

проект [ВАТЕРЛОО]

юрий алкин

МАТ

цель власти - власть

Юрий Алкин живет в Сиэтле, США. Работает в компании Microsoft, руководит отделом разработки и применения социальных сетей внутри корпораций. Автор произведений в жанрах психологического триллера и социальной фантастики.

Новый роман «Мат» – взгляд на природу власти в современном обществе. Взгляд жесткий и реалистичный, под стать нашему времени.

«...Все эти карьеры, модные профессии, бары, бесцельные вечера перед телевизором – не более чем беспомощное тыканье еле научившихся видеть щенят. На самом деле желают они одного – направления. Чтобы кто-то пришел и направил, указал цель, указал путь. Сделал жизнь осмысленной. Кто-то не такой, как они сами. Другой, бесконечно уверенный в себе, не знающий сомнений, никому ничего не доказывающий. Знающий что-то, что им знать не дано».

«...звезды будут по ночам смотреть с усмешкой на крошечные здания корпораций, в которых днем кипят страсти. Звезды видели многие миллиарды людей, и они знают истинную цену власти – самой призрачной, самой иллюзорной и самой навязчивой ИЗ ВСЕХ человеческих страстей».

Юрий Алкин

Мат

Цель власти - власть

Содержание

Пролог	4
Глава первая	6
Глава вторая	50
Глава третья.....	98
Глава четвертая.....	145
Глава пятая.....	197
Глава шестая.....	254
Глава седьмая.....	282
Глава восьмая.....	300
Глава девятая.....	350
Эпилог.....	401

Власть — самое сильное возбуждающее средство.

Генри Киссинджер

Пролог

3 октября 1815 года, на борту корабля «Нортумберленд»

- Что там, Бертран?
- Кит, сир. По-моему, даже несколько.
- Узнаю людей. Годами они плавают по морю, но даже в сотый раз какая-то безмозглая туша мяса заставляет их бросить все и толпиться как бараны. Офицеры тоже там?
- Некоторые, сир.
- И это люди, которые претендуют на избранность. Белая кость. Они везут на борту величайшего человека их времени, и хоть бы один стремился использовать эту возможность. Нет, они видят во мне лишь пленника, которого надо кормить и стеречь. Рыбы их интересуют гораздо больше. Пять лет назад любой из них почел бы за честь обедать за одним столом со мной — пусть даже как с врагом.
- Они просто люди, сир.
- Вот именно, Бертран. Вот именно. Сколько нам еще плыть?
- Вчера говорили, что около двадцати дней при таком ветре.
- Двадцать дней... Как обесценилось время. Совсем недавно за двадцать дней я поднимал всю Францию. Вы помните? От Канн до

Парижа, от горстки преданных людей до трона. И все за двадцать дней. А сейчас я потрачу то же самое время на созерцание этих убогих, которых безмозглые рыбы интересуют больше, чем великий император. И я стану лишь на двадцать дней ближе к могиле — точно как они.

- Вы сами всегда учили терпению, сир.

- Терпение хорошо, когда есть надежда. Теперь ее уже нет. Святая Елена — не Эльба. Впрочем, вы правы. В отличие от этих болванов, у меня впереди бессмертие. А их если и вспомнят, то только потому, что они везли меня на этот остров.

- Да, сир. Если даже сто лет спустя будут по-прежнему спорить о роли личности в истории, то в первую очередь будут говорить о вас.

- О будьте покойны, спорить они будут. Мещане всегда спорят о роли личности в истории. Тем временем личности историю делают. Вы знаете, Бертран, без таких как я мировая история была бы пустым местом. Это была бы история чавкающих толп. Толпы становятся народами лишь тогда, когда находится человек, готовый их вести. Тогда они возносят тебя на самый высокий пьедестал, пока зависть и предательство не сбрасывают тебя оттуда.

- Сир, даже будучи сверженным, вы остаетесь великим человеком.

- Я знаю, Бертран. В этом-то и дело. Мне безразлично, что мое имя будут поливать грязью. Бриллиант можно окунать в грязь сколько угодно, он от этого хуже не станет. И мне безразлично, что меня будут стеречь убогие болваны, пока другие болваны растаскивают мою империю. Но знать, что я уже больше ничего не свершу, пока жив...

Поверьте мне, Бертран – вот мука, перед которой меркнет все. Александр мог бы меня понять.

- Думаю, что я понимаю вас, сир.
- Да, Бертран, в вашей преданности я не сомневаюсь.
- Сир...
- Помните, что кричал мне тот боров в порту? Про революцию, создавшую тирана?
- Помню, сир. Я жалел лишь о том, что не в моей воле было заставить его замолчать.
- Они все так думают. Несчастные. Для них великий человек – это порождение обстоятельств. Они не понимают, что тот, кто рожден для великих дел, для великой власти, всегда придет к ней. Именно это и делает его великим.

Глава первая

Дождь настойчиво стучался в окно – так, словно ему не хватало простора над потемневшим угрюмым озером и нахохлившимися горами. Он требовал, чтобы его немедленно впустили в комнату и разрешили вдоволь порезвиться – напитать влагой бумаги на столе, залить пол, разукрасить веселыми потеками стены. Он был неутомим и надоедлив. Но человек в комнате не обращал внимания на требовательный стук. Дождь удвоил, затем утроил свои усилия, позвал в союзники ветер и темноту и с удовлетворением обратил еще

недавно светлую комнату в полутемную пещеру, наполненную дробным стуком. Человек проигнорировал и эти маневры. Он лишь проверил, что окно плотно закрыто и включил торшер, сведя на нет титанические усилия дождя и его помощников. Ему было не до негодующе буянившего ливня. Он работал.

Мягкими точными движениями он брал один за другим листы бумаги из стопки слева, и быстро просматривая их, что-то быстро писал остро отточенным карандашом. Работа была, по всей видимости, неприятная – человек хмурился и перечитывал написанное. В какой-то момент он даже отложил карандаш в сторону и провел несколько минут, глядя невидящим взглядом в окно. Но порой благообразное лицо озаряла не вяжущаяся с ним ироническая улыбка, и тогда становилось ясно, что человек просто серьезно относится к своему занятию, и ничего неприятного оно в себе не несет. Затем он откладывал исчерканный пометками лист в сторону и под неумолчный говор дождя принимался за следующий.

Наконец, последний лист порхнул в правую стопку. Человек с видимым удовлетворением потянулся, окинул плоды своего труда довольным взглядом и, словно впервые обнаружив беспорядки за окном, озабоченно посмотрел на уже едва видимое озеро. Затем, видимо, решив не беспокоиться о погоде, он протянул холеную руку и, почти не глядя, набрал номер на коммутаторе.

– Все, – тоном победителя сообщил он в трубку. – Готово. Завтра можете печатать. Но это был первый и последний раз. Отныне – только суббота. По пятницам эти сочинения я писать категорически

отказываюсь. Эти эксперименты не для меня. Одиннадцать отзывов это вам не письмо бабушке. Что? Кто сказал, что они одинаковые? Разные они, очень разные. Одно и то же происходит — это да. Но это не значит, что я отзывы под копирку пишу. Хотя вы бы видели, что эти с десятым номером вытворили. Давно такого уже не было. Да, на втором этаже. Именно... А про копирку бросьте, пожалуйста. Тут такие страсти кипят, люди не на жизнь, а на смерть бьются — как же можно халтурить? Нет, мне уж лучше как обычно — целый день, с утра. Теперь здесь ночевать придется. Так что с того, что шесть дней? На то и отпуск. А? Меньше?.. Нет, милая, так шутить не надо. Я понимаю, что шутка. Но за это число столько копий было поломано, что об этом даже шутить неприлично. Их должно быть одиннадцать — ни больше, ни меньше. Ровно одиннадцать. И ровно на пять дней. Чтобы в первый день имена не могли запомнить, а на пятый... Ну вы знаете, что у нас на пятый день. Так что пять-одиннадцать. Вот тогда у нас получится все, как и должно получиться...

Роберт

Красный «порш» оказался нахалом. Он резво обошел машину Роберта справа, презрительно вильнул бампером, становясь впереди, и, словно пытаясь показать, как легко даются ему такие маневры, резво увеличил дистанцию. Роберт улыбнулся. Именно этого ему и не хватало.

Пум-тири-пам... тири-пум-тири-пам... Р-р-р-раа... Р-р-р-раа... - стремительно пульсировала музыка, заполняя собой весь салон. Роберт повернул рукоятку громкости почти до упора. Настоящая скорость требует настоящего сопровождения. Короткий взгляд вправо. Антирадар молчит — похоже, полиции вблизи нет. А впрочем, если бы и была... Он немного наклонил голову и, вживаясь всем телом в жесткий бьющийся ритм, плавно выжал газ. Мощный мотор послушно взревел, набирая обороты. Слева приблизилась и тут же унеслась вдаль какая-то зеленая колымага почтенного возраста. Роберт не видел лица водителя, но не сомневался, что вдогонку ему сейчас несутся не самые вежливые возгласы. Справа прогрохотал и остался сзади вместе со своим черным вонючим дымом измазанный трейлер. Р-р-р-раа... Р-р-р-раа...

Порш был уже совсем рядом. Роберт едва заметно двинул рулем влево, и мгновение спустя его машина поравнялась с «поршем». Сигналить не пришлось — водитель повернул голову сам. Секунду-другую Роберт вглядывался в недовольное гладкое выбритое лицо. Если бы это оказался только что получивший права мальчишка, было бы неинтересно. Но этот упитанный экземпляр явно привык к роли короля дороги. Ну что ж... получай. Улыбаясь наиприятнейшим образом, Роберт сложил из пальцев правой руки известную фигуру и несколько секунд демонстрировал ее ошеломленному экземпляру. Ошеломленность последнего явно усугублялась тем, что левой рукой Роберт делал то же самое. Затем, не возвращая руки на руль и продолжая придерживать его только левым коленом, он резко

прибавил газ. Стрелка тахометра возмущенно подпрыгнула, рев мотора на какое-то время заглушил стремительную музыку, и «порш» вместе со своим негодующим водителем остался позади.

Роберт откинулся на спинку сиденья. Дорога прямой стрелой уходила вдаль. Теперь можно немного уменьшить громкость. Хороший альбом... Как раз то, что надо... Р-р-р-раа... Р-р-р-раа... Когда-нибудь надо будет прекратить начальствовать и податься в гонщики. Что может быть лучше скорости? Разве что это сумасшедшее карабканье по скалам. Он вспомнил прошлый отпуск, громоздящиеся под пронзительно голубым небом красно-коричневые скалы, впивающиеся в них корни скорчившихся деревьев. И крошащийся камень под ногой... Как он тогда летел... Сандра потом сказала, что была уверена: на этот раз от него действительно останется только мокрое место. Но ничего, повезло... И железная Сандра висла у него на шее и плакала как девчонка, когда он, наконец, спустился вниз. Нет, в том, чем приходится заниматься каждый день, никогда не будет такого чувства жизни, такого риска, такого горящего кровью действия. Но платят они неплохо. И порой бывает интересно. А иногда даже можно съездить отдохнуть за счет работы. Например, этот непонятный курс, куда его отправили вчера. «Вы — талантливый менеджер, а таланты надо развивать. Так что нам бы очень хотелось, чтобы именно вы поехали туда. Вы не представляете себе, какие люди интересуются этой программой». Почему же, представляем... Вполне представляем. Он сказал, что это где-то в горах. Интересно, какие там скалы?

Кевин

- Можно?
- Да, входите.
- Добрый день, Барбара. Я вам не очень помешал?
- Что вы, Кевин, вы же знаете — у меня всегда найдется для вас минута.
 - Спасибо, Барбара. Я это очень ценю. Просто удивительно, как при вашей занятости вы находите время для каждого посетителя.
 - Я стараюсь. Так чем я могу помочь?
 - Даже и не знаю, как сказать... В общем, опять те же проблемы. Я бы так не хотел вас отвлекать такими вещами, но думаю, что вы должны об этом знать.
 - Снова что-то с Ларсом?
 - Как бы сказать... да. Мне кажется, то, что происходит в нашей группе, выходит за разумные рамки.
 - Неужели он снова не дает вам нормально работать? Или вы опять не можете высказывать открыто свое мнение?
 - Нет, дело не в этом. Не совсем в этом. Вы знаете, мне все-таки очень не хочется об этом говорить... получается, я вам опять жалуюсь на своего начальника. А ведь он отличный, просто отличный человек. У нас с ним, конечно, есть некоторые расхождения. Но ведь он превосходный лидер, специалист первоклассный. Я, наверное, лучше пойду...

- Нет уж, Кевин, если вы начали, пожалуйста, говорите. Если бы это были не вы, было бы другое дело. Но я же знаю, что кто-кто, а вы просто так жаловаться не станете.

- Понимаете, в последнее время мне снова стало тяжело работать с Ларсом. У меня одни взгляды на то, что и как мы должны делать. А у него, очевидно, другие. Вот, пожалуй, и все.

- Конечно, это не все, я же вижу. О каких именно взглядах идет речь? И в чем состоят ваши? Говорите.

- Речь идет о том, в чем состоят наши задачи и как их надо выполнять. А мои взгляды... Проще всего, наверное, сказать, что они совпадают с вашими. Вы же меня знаете — если бы я не был согласен с ними, я бы вам об этом прямо так и сказал. Но вы задаете превосходное направление... Все так четко, ясно, продуманно. И прямо обидно видеть, как все это идет насмарку. Причем абсолютно беспричинно. А еще эти слухи...

- Какие слухи? Я вас не понимаю.

- Нет-нет... это я уже не вправе говорить. Это к делу не относится. Ларс не соглашается со мной, когда я доказываю ему, что надо следовать вашим рекомендациям, но для этого он и поставлен так высоко. А то, что он говорил в частном порядке, не имеет никакого значения. Ну, все, спасибо, Барбара, что вы меня выслушали. Я пойду.

- Нет, стойте. Пожалуйста, договаривайте.

- Да это действительно того не стоит. И вообще, я не могу вам такое повторить? Мало ли о чем он говорит... И где — в мужской уборной! Я такое и произнести при вас не могу. Вы ведь даже не

представляете себе, как я вас уважаю... как лидера, как человека... Да я поэтому и был возмущен, когда услышал, как он отозвался о вас.

- Послушайте Кевин, вас никто не тянул за язык. Но если уж вы начали, то закончите, пожалуйста.

- Ну, хорошо... Раз вы настаиваете...

- Барбара, я ничего не понимаю. Почему вы забираете у меня людей Кевина? Куда они все идут?

- Повторяю, Кевина я забираю, потому что считаю, что вы недостаточно хорошо справляетесь со своими обязанностями. Начиная со следующей недели, Кевин будет подчиняться непосредственно мне. А вам я предлагаю хорошо подумать над тем, как вы собираетесь руководить остающимися у вас людьми. Если вы будете продолжать это самоуправство, Кевин будет первый, но не последний.

- Тут какое-то недоразумение. Да, я принимал решение сократить сроки. Но вы же об этом знали. И вообще, как Кевин будет подчиняться вам? Разве его группа не слишком мала? И вы же сами говорили, что...

- Вот видите, Ларс, вы опять спорите. Да, вы информировали меня о своем решении, но сделано это было слишком поздно, когда менять что-либо уже не имело смысла. И вообще, дело не только в этом случае. Это уже давно превратилось в систему. Если я молчала, это не значит, что мне ничего не было известно. Что касается Кевина, то о

численности его группы можете не беспокоиться — Эммонс переходит к нему.

- Эммонс?! Это человек сто пятьдесят вместе! Да Кевин не знает, что делать с таким количеством народа!

- Еще раз говорю вам — перестаньте волноваться за Кевина. Он превосходный менеджер, и, кроме того, курс на который мы его посылаем, ему поможет. Лучше следите за собой. И за тем, что вы говорите своим подчиненным.

Стелла

- Простите, но я вынуждена еще раз повторить: на таких условиях мы вашими услугами пользоваться не будем.

- Но почему? И вообще, откуда появились новые условия? Дилан говорил, что эта встреча — просто формальность. Мы даже не должны были все это обсуждать. Нам же надо было только обговорить сроки.

- Я очень рада тому, что у вас сложились столь теплые отношения с Диланом Волано, — не меняя ровного тона, сказала Стелла. — Но по независящим от него причинам на встречу он прийти не смог. Нашу компанию представляю я, и любые устные обещания, данные вам прежде, недействительны. Разве что, — она холодно улыбнулась, — вы можете предъявить соответствующие документы.

Три человека на другом конце огромного стола синхронно покачали головами.

- Почему-то я так и предполагала. Итак, вы согласны на наши условия?

- Это грабеж, — недовольно произнес рыжеволосый крепыш, нервно ослабляя узел галстука. — Грабеж на большой дороге.

Сидящий рядом с ним худощавый тонкогубый человек предостерегающе поднял руку. Стелла спокойно ждала, никак не реагируя на замечание.

- Вы отдаете себе отчет в том, — спросил худощавый, — что ваше предложение для нас практически неприемлемо? Вы принесете вашему руководству не выгодную сделку, а отказ. Категорический и окончательный отказ.

- А вы отдаете себе отчет в том, — в тон ему ответила Стелла, — что отказ обойдется вам гораздо дороже? — ее прямая черная бровь едва заметно подалась вверх.

- Да на что вы намекаете?! — взорвался крепыш. — Да это же ни в какие ворота не лезет! Да это же... — Рука худощавого крепко сдавила его плечо.

- Я вижу, мы наконец достигли полного взаимопонимания, — удовлетворенно подытожила Стелла. — Но может быть, вы хотите еще немного подумать? Мы можем встретиться еще раз.

Худощавый изучающе посмотрел на нее.

- Спасибо за предложение, — ответил он после продолжительной паузы. — Мы им воспользуемся. Только одна просьба: следующую встречу мы бы хотели провести с обычным представителем вашей компании.

Стелла покачала головой.

- Даже и не знаю, кого вы называете обычным представителем. С сегодняшнего дня я представляю все наши интересы в этом вопросе.

Она поднялась. Три фигуры в темно-серых костюмах встали вслед за ней.

- Было приятно познакомиться. Думаю, что наша встреча была небезрезультатной. Мы сделали шаг в нужном направлении, — говорила она во время рукопожатий. — О времени встречи вы сможете договориться с моим секретарем. Всего хорошего.

Закрывая за собой дверь, Стелла услышала злобный шепот:

- Чертова баба.

Она улыбнулась. Еще бы! Конечно, чертова. Такой она и хотела быть всю жизнь. Сильной, опасной, обладающей реальной властью. И именно баба. Женщина. Но женщина, ни в чем не уступающая мужчинам. Более того, превосходящая большинство из них. Не приставка при грозном муже, купающаяся в отблесках его славы. И даже не закулисная движущая сила — та неременная хитрая обольстительница, которая, согласно молве, стоит за каждым высоко взлетевшим человеком. А сама по себе — личность, сила, власть.

Ведь не случайно именно она проводила эту столь важную для компании встречу. Сначала ей надо было разгадать, что за двойную игру вел этот смазливый Волано, осторожно добиться встречи с нужными людьми, прощупать почву, раскрыть им глаза, ошеломить доказательствами, убедить... А потом, не теряя темпа, развернуть перед ними изящный красивый сценарий. Тщательно продуманный и

выверенный, этот сценарий не только решал некрасивую проблему — он превращал ее в решение. Будучи правильно выполнен, он мог принести компании неплохие деньги, укрепить ее позиции в глазах аналитиков, а главное — сделать ее одной из основных движущих сил в новой и очень перспективной области. Но для того, чтобы превратить эти замыслы в реальность, нужен был правильный человек. Например, она, Стелла.

И вот сейчас после длительных совещаний с адвокатами, после консультаций с такой звездой юриспруденции, как Беккер, после споров и недоверчивых взглядов — она блестяще провела эту критическую встречу. Провела, играя частично вслепую, не будучи уверенной в успехе до последней минуты, сохраняя на лице маску спокойствия в минуты неуверенности. И она выиграла — они скрипели зубами, но не ушли, хлопнув дверью. Значит, она была права, права с самого начала, с той самой минуты, когда заподозрила неладное, разбирая эти, в общем-то, случайно попавшие к ней, документы.

Следующую встречу надо будет назначать не раньше чем через неделю. Хотя они, вероятно, будут просить организовать ее раньше. Но им придется подождать, для того чтобы лучше оценить свое новое место — место, на которое их поставила она. Впрочем, нет, на той неделе она не сможет. Барнетт ясно сказал: «Если встреча пройдет так, как предполагаете вы, не планируйте ничего на следующую неделю — у нас есть определенные планы. Но только в том случае, если вы не

ошиблись», — и он вежливо улыбнулся той улыбкой, которая говорила больше многих слов.

Но она не ошиблась, не ошиблась, не ошиблась... И люди непроизвольно оглядывались на звонкий звук шагов стройной коротко стриженной женщины, которая, словно не замечая окружающих, шла вперед — к невидимой для них цели.

Брендон

- И все-таки я не согласен.
- Брендон, мне кажется, вы упираетесь уже просто из принципа.
- Абсолютно верно — из принципа. Мои принципы не позволяют мне согласиться с тем, что они хотят. Это же абсурд! Это предложение отлично выглядит на бумаге, но когда дойдет до дела, мои люди будут работать дни и ночи и все равно ни черта не закончат в срок. Да что там моя — вся ваша группа окажется в таком же положении.
 - Но они уже получили согласие. Их поддерживают... сами знаете кто.
 - Эти халтурщики могут запудрить мозги кому угодно. И даже вице-президенту.
 - Может, не надо бросаться словами, а? Халтурщики, запудрить...
 - Словами бросаются они. А мы с вами будем бросаться деньгами и хорошими людьми.
 - Но поймите, даже если бы я был с вами согласен...
 - А вы не согласны?

- Хорошо, несмотря на то, что я с вами согласен, мы ничего не можем сделать. Мы вообще должны были только выполнять то, что нам было сказано. Даже я не могу это изменить. Никто не ожидал, что вы начнете чуть ли не целое расследование.

- Значит, если нам скажут заставить наших инженеров копать ямы, они будут копать?

- При чем тут это? Вас же не просят делать неквалифицированную работу.

- Меня просят делать идиотскую работу. И я не понимаю, какова моя роль в этом случае. Да и ваша тоже. Я не для того поставлен управлять работой сотни людей, чтобы бездумно передавать любые распоряжения. И я всегда считал, что у вас такие же взгляды. У нас, в конце концов, бизнес, а не армия.

- Ну, хорошо, что вы предлагаете? Обговорить это с ними?

- С ними можно разговаривать только через мегафон, сидя на танке. Надо идти вверх. Если Мур согласен с этим бредом, надо обращаться к его начальству.

- И?..

- И рассказать, чем для нас чреват этот проект.

- Вы понимаете, каких врагов вы себе при этом наживете?

- Они меня и так не любят.

- Они-то не любят, но Мур пока что даже не знает вашего имени.

- Узнает.

- И что будет, когда лично Винтер велит вам выполнять полученные указания?

- Не знаю. Работа есть не только в нашей компании.
- Даже так?
- Даже так.
- Хорошо... Хорошо... Рискуйте. Только помните — я вас на эту беседу не уполномочивал.

- Но вы и не запрещали ее проводить, верно?
- Нет. Скажем так... Мы с вами обсудили этот вопрос, я нашел ваши возражения достойными внимания и попросил вас еще поработать над этой темой. А вы на свой страх и риск решили действовать через три, нет... через четыре головы.

- Меня это устраивает.
- Тогда давайте-ка, я вам сообщу несколько интересных фактов. Может пригодиться...

- Слушай, что у вас там приключилось с чилийским заказом? Тут народ уже шушукается.

- А что говорят?
- Что ты проект зарубил, что чуть ли не самого Винтера впутали... Потом вроде бы у Корда неприятности, причем из-за вас. Слухи конечно, но что-то же было. Давай, колись.

- Слухи. Сплошные слухи.
- Что — пустой треп?
- Скажем так, треп с основаниями. Во-первых, не «чуть ли», а именно Винтера и втянули. Во-вторых, неприятностей у Корда не

будет. Потому что всю его группу разгоняют. А в-третьих, не из-за нас. Из-за меня.

- Да ты что? Шутишь? Силен, силен... И как ты такое провернул?

- Мне это все с самого начала казалось подозрительным. Вот и сказал Брендону глянуть.

- Брендон? Это такой квадратный, с усами?

- Он самый. Вот он, значит, глянул, доложил... Я смотрю — ерунда полная. Что мы, в самом деле, только приказы должны исполнять? Самим думать тоже надо. Ну и дошли до Винтера.

- А с Кордом и его людьми даже говорить не пытались?

- Да с ними можно только с танка говорить... через мегафон.

- Ну и как Винтер?

- Не зря на своем месте сидит. Со всем разобрался, все понял, все по местам расставил. Брендона на какой-то курс послал квалификацию повышать.

- Весело у вас.

- И не говори.

Майкл

Майкл никогда не любил демагогов. Особенно на работе. Каждый раз, слыша многословные излияния, он начинал подозревать, что произносящий их человек либо неискренен, либо глуп. Работать ни с теми, ни с другими ему не нравилось. Вот и сейчас, слушая трескучую речь Оскара, он с трудом сдерживал желание понимающе улыбнуться

и сказать: «Ну что вы, в самом деле, заладили. Мы уже давно поняли, как сильно вы печетесь о благе корпорации». Но произнести такую фразу было бы, по меньшей мере, неблагоприятно — Оскар обращался не к нему, а к начальству. Начальство же одобрительно качало головой и слушало с видимым вниманием, изредка вставляя благосклонное «несомненно, несомненно». Наконец, Оскар выговорился, еще раз ненавязчиво подчеркнул свое непосредственное участие в новом почине, пожелал всем приятного дня и откланялся.

- Интересная идея, — задумчиво сказал Тодд, покачиваясь в кресле.

На секунду Майкл подумал, что выдавший виды босс тоже понимает истинную цену отзвучавшей здесь болтовни, но предпочитает держать свое мнение при себе. Слишком уж щекотливые темы были затронуты в этом монологе. «Когда же этот тип поймет, что может мне доверять?» — шевельнулась досадная мысль. Но вслух он спросил:

- Вы меня для этого вызывали?

- Да нет, — махнул рукой Тодд. — Он здесь случайно оказался.

И из-за того, как прозвучали эти слова, Майклу вновь показалось, что в этой комнате не он один недоверчиво относится к патетическим фразам о ценностях компании.

- Тут на тебя запрос пришел, — сказал тем временем босс. — С самого верха, — он многозначительно воздел палец к потолку. — На курс тебя послать хотят.

- На курс, — вежливо удивился Майкл. — Какой курс?

- На котором из тебя сделают настоящего лидера.
- Приятно слышать. Действительно, пора взрослеть.
- Шучу, шучу. Ты и так настоящий с таким отделом. Но здесь что-то особенное намечается. Дело такое — кто-то в верхах, чуть ли не сам Норман, получил восторженный отзыв об этом мероприятии от своего коллеги. Ну и решил, что раз в других компаниях это делают, надо бы и нам попробовать. А то от времени отстанем.

- Норман? Норман Сторн?

- Да. А что тебя удивляет?

Майкл пожал плечами.

- Ничего кроме того, что президент знает о моем существовании. Между нами пять начальников, и таких как я сотни три, не меньше.

- А он и сейчас о тебе ничего не знает, - почему-то радостно сообщил Тодд. — Зато ты четко подходишь под это вот описание.

Он протянул руку и взял с необъятного стола листок.

- Не более пяти лет в компании. Ты. Непосредственно руководит работой не менее ста людей. Ты. Изначально не нанимался на руководящую должность. Снова ты. Тебя инженером ведь брали? Ну... ты, значит. На данный момент является ценным работником и сильным руководителем. Ты. Ладно, ладно, теперь уже скромничать нечего. Вот и получается, что всем критериям ты соответствуешь. Жаль, за поимку не платят. Ну что, едешь?

Майк посмотрел на висящий за спиной Тодда календарь. С календаря на него хищно глянул широко расставленными фарами новейший «мерседес» — Тодд имел слабость к хорошим машинам.

- А когда? И на какой срок? А то ведь проект сами знаете, в каком состоянии. Последние дни идут. Не самое лучшее время уезжать.

Тодд откинулся на спинку кресла и от души захохотал.

- Да ты уникам! — он покачал головой, как бы умиляясь услышанному. — Тебя лично Сторн просит об одолжении. А ты о проекте печешься.

- Если будут проблемы, - твердо сказал Майкл, игнорируя умиление, — тот же самый Сторн первый поинтересуется, из-за чего они возникли.

- Ну, скажем, не поинтересуется, потому что по всей компании таких проектов сотен пять наберется. Разве что если вы там совсем что-то дикое вытворите. Но у ценного работника и хорошего руководителя такое ведь произойти не может?

Майкл лишь улыбнулся.

- Ладно, не переживай, — успокоительно сказал Тодд. — Курс через две недели. А документы вы подписываете в следующий вторник. Так что успеешь. А потом поедешь, расслабишься. Это где-то в горах. На целых пять дней. Вернешься — расскажешь. Ну, так что?

- Похоже, тогда и думать нечего.

- Конечно, - согласился Тодд. — Я бы на твоём месте и о проекте не говорил.

Может, поэтому ты и не на моем месте, подумал Майкл. Впрочем, и я не на твоём. Пока.

- Вот тебе вся информация, — Тодд извлек из ящика благородной желтизны конверт. — Куда, когда, зачем и тому подобное. Там один

документ надо подписать, что-то вроде стандартной бумаги о неразглашении. Будут вопросы — звони им напрямую. Им уже заплачено.

- То есть заранее было точно известно, что я поеду? — уточнил Майкл.

- Нет, — ответил Тодд, протягивая ему конверт. — Но было известно, что кто-то поедет. Сам же сказал — таких как ты у нас немало. А нужен только один.

Крис

- ...Таким образом, очевидно, что предлагаемая реорганизация позволит уже через год сэкономить не менее двадцати процентов от нынешних затрат. И это притом, что за счет упрощения процесса производительность повысится почти вдвое. А теперь, — Крис блеснул неотразимой улыбкой, — я с радостью отвечу на ваши вопросы.

Артур Соммерс с удовольствием слушал выступление своего протеже. Речь гладкая, четкая и в то же время живая — как раз то, что нужно для того, чтобы эти старые перчницы согласились утвердить предложение. Он мысленно усмехнулся: кого он называет старыми перчницами? Некоторые из них моложе, чем он сам. Но он в свои пятьдесят семь понимает необходимость изменений, а они — нет, даже те из них, кому едва перевалило за сорок. А изменения нужны. Гигантский механизм еще работает, доходы, как и прежде, исправно

раз в квартал радуют акционеров. Но на горизонте маячат новые технологии. Новые подходы. Новые способы. Новые, новые, новые... И если компания сейчас же, немедленно не перестанет поживать на лаврах, то через пять лет ее просто сметут, несмотря на многомиллионные прибыли. Сметут, как в свое время они смели других. Сметут, растопчут и пойдут дальше прямо по чавкающему месиву. Остановка на месте — это смерть. Отсроченная, но верная смерть.

И все же они этого не понимают. Не хотят понимать. Ведь изменения — это риск. Это уменьшенные доходы. Это отход от накатанной колеи. И все ради чего? Для того чтобы противостоять каким-то молокососам? Что с того, что за этими молокососами будущее? Сомневающихся слишком много. И сидят они слишком высоко. Десять лет назад он просто пришел бы к Филу и все объяснил. Фил бы понял. Он всегда все понимал, поэтому и смог поднять компанию в такие заоблачные выси. Но Фила уже восемь лет как нет в кресле президента. И два года как нет в живых. А в кресле сидит случайный человек, который умеет управлять, но который начисто лишен того, без чего нет настоящего лидера — истинной, животной способности чувствовать опасность задолго до ее появления. И хотя машина, отлаженная за много лет Филом, несется в пропасть, никто не хочет это понимать.

Но у искусного бойца всегда есть в запасе несколько уловок. Например, вот такая реорганизация. Небольшой масштаб, малый риск, большие дивиденды. И никакой связи со смутными опасениями.

Ее вполне можно и утвердить. Почему бы и нет? Особенно если придумал ее такой напористый, обаятельный и уверенный в себе молодой человек. Это позже станет ясно, что этот сравнительно небольшой проект наряду с тремя-четырьмя ему подобными — часть большого плана. Плана, который неукоснительно, неизбежно покажет, что без изменений им не выжить. Все, даже самые закоснелые из них, поймут, что надо действовать. И кто-то должен будет стать во главе этих грандиозных изменений. А кому же еще это под силу, как не тому, кто целых три года назад говорил об их необходимости. И тогда мы еще посмотрим, кому лучше подходит кресло президента. В конце концов, это определяет совет директоров, а мнение этой группы может и измениться. Если, разумеется, к этому правильно подойти. А для этого нужен Крис и такие, как он.

Обаяшка — так назвала Криса жена Соммерса, когда впервые увидела его на праздничном вечере. Он и был обаяшкой. Женщины таяли в его присутствии. Высокий, крепкий, с открытым приятным лицом, уверенный, несущий в себе неисчерпаемый запас энергии, с этой красивой, плакатной улыбкой. Эдакий символ мужской привлекательности. Но когда Соммерс стал присматривать себе подходящего человека, он остановился на Крисе не из-за обаяния, которое тот распространял вокруг себя. Точнее, не только из-за него. Обаяшек в компании было много. И добрая половина могла неплохо говорить. Но, в отличие от большинства из них, Крис обладал еще одним неоценимым качеством — холодным, цепким умом. Он на лету схватывал то, на что другие тратили дни, и с полуслова понимал

намек. Он умел делать именно то, что от него ожидалось, даже если пожелание не было высказано напрямую. Он был идеальным кандидатом на требующуюся роль. Соммерс не раз сравнивал Криса с самим собой двадцатилетней давности. И сравнивая, каждый раз не забывал напоминать «обаяшке» о разделявшей их огромной дистанции. Он знал, что без этого Крис может стать опасен.

- Молодец, — сказал он, когда Крис сошел с трибуны. — Отлично выступил. Про налоги это ты, конечно, зря... Но ничего, я заглажу потом. А в остальном хорошо. Кстати, у тебя сколько сейчас человек в подчинении?

- Сто двенадцать, — без запинки ответил Крис.
- Подходит, подходит... А сколько лет ты у нас?

Крис на минуту задумался.

- Пришел в марте... Четыре года и два месяца.
- Хорошо... Начинал как начальник?
- Нет. Специалист по маркетингу.

Соммерс выдержал паузу. Крис как обычно смотрел на него прямым открытым взглядом. Он уже неоднократно показывал, что умеет обходиться без лишних вопросов.

- Мне сообщили об одном нестандартном курсе для менеджеров, — сказал, наконец, Соммерс. — Нужен кто-то вроде тебя. Вещь в наших краях новая, но звучит заманчиво. Занимает неделю. Думаю, тебе стоило бы съездить.

Он вопросительно взглянул на Криса.

- Разумеется, — сказал тот. — Большое спасибо за доверие.

Соммерс кивнул.

- Зайдешь утром за бумагами. А сейчас мне надо поговорить с коллегами. Как бы они не разволновались из-за этих налогов.

Крис понимающе склонил голову.

- Зайду непременно. До завтра.

- До завтра, — отозвался Соммерс.

Все-таки я его правильно выбрал, думал он, направляясь к группе оживленно разговаривающих «перечниц».

Как будто я не знаю, что с налогами все было в порядке, думал Крис, идя к себе. Но если старикану нравится показывать, что он главный, пусть себе тешится. Пока он мне гораздо нужнее, чем я ему. Все мое время.

Алекс

- Семь! В-восемь... Де-е-евять... Давай, давай, давай, еще раз, жми... Ну! Десять!

С лязгом, гулко раскатившимся по огромному залу, штанга легла на стойки. Алекс сел на скамье, переводя дыхание и с удовольствием чувствуя, как кровь распирает мышцы. Он очень любил это ощущение после последнего подхода, когда кажется, что перенапрягшиеся мускулы окаменели и вот-вот прорвут кожу.

- Справился, — уважительно сказал Дэн. — А я думал, с этими двумя блинами не потянешь.

Алекс оглянулся на массивную штангу. Парень на соседнем тренажере взирал на нее с заметным уважением. Впрочем, было неясно, относилось ли оно к штанге или же к двум внушительным фигурам, беседующим возле нее.

- Ничего, — сказал Алекс, медленно поводя необъятными плечами. — Даже легче, чем я думал. В следующий раз еще навесим.

Дэн кивнул.

- Давай-давай. Только зря это.

- Опять ты за свое?

- А то. Ну зачем оно тебе там надо? Ты ж сюсюкаешь весь день.

Алекс поморщился.

- Ну уж... сюсюкаешь.

- А то. — Дэн начал загибать толстые, как сосиски, пальцы. — Начальник? Начальник. С клиентами говоришь? Говоришь. Послать хоть одного можешь? Не можешь. Вот и говорю — сюсюкаешь. А мышцу накачал — будь здоров. Пропадает добро. Шел бы к нам.

- Что я у вас не видел? Пьяных придурков разнимать?

- Зачем пьяных? Сам знаешь — и без всякого буза бывает. Тогда интереснее только. Вчера вон трое из-за девки толкаться стали. Девка - первый класс, — Дэн причмокнул и мечтательно возвел глаза.

- Да вам же их трогать нельзя.

- Но посмотреть-то можно.

Алекс улыбнулся: Дэн был как всегда непосредственен.

- Она с хахалем пришла Танцевали себе, жались — все как надо. А там два бобра. Серьезные такие, почти как ты. Я их сразу заметил —

такие только за тем и ходят. То да се... Звать стали, один руки вроде как распустил. А хахаль тоже не дурак — в кармане не одни спички носит. Как пошло...

- Ну а ты?

- А че я? Подошел, понимаешь, взял, — Дэн вытянул перед собой бугристую ладонь с растопыренными пальцами и резко сжал огромный кулак. — Хахаль-то сразу усек, в чем дело. Ничего, нормальный парень оказался. А бобры того, тормознули. Ну а мне что? Мне того и надо. Короче, ребята когда набежали, их уже только выносить можно было.

- Здорово, — серьезно сказал Алекс.

- А то. Вот так у нас. А ты ж у себя там киснешь, небось.

- Да нет, ничего пока.

- Так зачем антураж весь? — Дэн любил щегольнуть красивым словом.

- Во-первых, приятно. Чтоб не киснуть. А во-вторых, — Алекс усмехнулся, — помогает.

- Да чем оно тебе помочь может? Вы ж там треплетесь с утра до вечера.

- А это не важно, чем заниматься.

- Как не важно?

- А так. Вот ты, например, у своих ребят вроде тоже как начальник?

- Ну?

- Уважают они тебя?

- А то. Попробовали б не уважать.
- А если бы ты в два раза меньше был?
- Скажешь тоже, — хохотнул Дэн. — А как бы я работать мог?
- Ну, скажем, каратэ, айкидо там всякое. Спец был бы, короче.

Дэн почесал подбородок.

- А, ну это тоже неплохо. Только очень хорошо уметь надо. А то как припечатывают вместе со стойкой и блоком — и киякнуть не успеешь. Но если умеешь, можно. Рэнди вон у меня — что надо парень. А мне до плеча.

- Значит, можно меньше быть и все равно у вас работать?
- Можно, ясно дело.
- Так вот если бы ты был как твой Рэнди, крутой, но поменьше, хорошо было бы?

- Что ж хорошего? Лучше чтоб сразу видели. Тогда и до дела не всегда доходит.

- И ребята уважают?
- А то.
- А кого больше уважают, Рэнди или тебя?
- Меня, конечно. Я ж главный. Да Рэнди и похлипче будет.
- А делать может не меньше.
- Да какая разница, что он может? Вида у него такого нет.
- Антуража не хватает?
- Рубишь.
- Видишь? Хорошо начальнику антураж иметь?
- Да что видишь-то? У меня ж работа такая.

Алекс улыбнулся.

- Ладно, не важно. Пойдем, присесть пора.

Они неторопливо направились в другой конец зала. Даже в этом помещении, полном рельефных мышц, на них оглядывались.

- Подходи к нам в четверг, — сказал Дэн, пока они нагружали штангу. — Сто лет уже не заглядывал.

Алекс покачал головой.

- Не могу. На курс уезжаю.

- Какой курс?

- Да так... начальствовать учить будут.

- А тебе оно надо?

- Не особо. Но поехать стоит. Большие люди послали.

Дэн понимающе кивнул.

Джоан

В долгожданной тишине кабинета Джоан позволила себе на минуту расслабиться. День выдался тяжелый. Да еще это увольнение под конец. Стюарт, конечно, еще зелен для таких дел. Перед ним сидит двухметровый детина с каменной челюстью, которому уже сто раз говорили, что надо работать, а не бездельничать. Сидит и прямым текстом сообщает, что никуда уходить не собирается, так как его, видите ли, заранее не информировали. Это притом, что ничем, кроме своего роста, баса и нахальства, он это заявление подкрепить не может. И рохля Стюарт вместо того, чтобы завершить разговор и

указать нахалу на дверь, начинает что-то мямлить, ссылаться на неудовлетворительные результаты, едва ли не просить прощения и вообще вести себя, словно нашкодивший пятиклассник. И приходится брать все в свои руки, отбрасывать в сторону сочувствующую мину и устраивать этому двухметровому халтурщику нагоняй.

Впрочем, чего уж там – именно на случай такой ситуации и надо было там сидеть. Со Стюарта много не спросишь – в начальниках без году неделя, пухнет от гордости и шарахается из одной крайности в другую. То он на подчиненных шумит, как паровоз, то он к ним подлизывается. Учиться ему еще и учиться. Ничего, уволит еще парочку и привыкнет. А может, и нет – мягок он слишком. Ладно, там посмотрим. В крайнем случае, через год станет одним начальником меньше.

А детина-то разинул рот, когда услышал, как с ним разговаривают. Он к такому обращению не привык. И тем более, от нее ничего подобного не ожидал – до этого ведь только иногда в коридорах виделись. А там она всегда милая, приветливая и совершенно безобидная. Настолько милая, что они все ее в своих курилках иначе, чем «наша Барби», не именуют. И шушукаются при этом, конечно, не только о голубых глазах. Поэтому, когда взгляд такой Барби вдруг становится холодным и твердым, а с милых губок слетает замечание, что думать надо было раньше, это производит определенный эффект.

Детина все-таки хоть и дурак, а понял, что теперь уже лучше не спорить, быстро тон сменил на уважительный и начал говорить о детях, которых кормить надо. Да что тон – через две минуты он уже

оправдывался и просил Стюарта (нашел, к кому взывать!) изменить решение. Дурень, он даже не понимает, кто его уволил. А когда в конце она решила снова подпустить немного сочувствия и участливо побеседовала с ним о семье, он вообще растаял и смотрел на нее, как на союзника. Правильно — врагов надо всегда выбирать самой. Пусть в детининой памяти плохим останется его рохля-начальник. О ней же он будет теперь вспоминать с восхищенным уважением.

А потом после прощаний был момент, когда он и Стюарт вдвоем стояли и смотрели ей вслед. О чем они в этот момент беседовали — и беседовали ли вообще, — это неизвестно, а вот то, что смотрели, как два барана, — это точно. Все они одинаковые. Что недалекие подчиненные, что увольняющие их начальники. Мужики они и есть мужики...

Да, день был не из легких. Но зато была случайная встреча в коридоре с Рэндаллом. Самим Рэндаллом. И сам Рэндалл ушел очарованный ее познаниями в бизнесе. Или ее улыбкой. Или и тем и другим. Или только улыбкой. А разве важно, чем именно? Главное, что он ушел очарованный.

Джоан оценивающе обвела взглядом стены. Почти пять лет заняло у нее восхождение к этому кабинету. К этой должности. К этому кусочку власти. Почти пять лет. Меньше, чем у многих. Больше, чем у некоторых. И впереди еще так много ступенек. Вершина корпоративной лестницы скрывается в облаках, даже если смотреть с высоты этого кабинета. Оттуда, из-за облаков, конечно, доносятся иногда раскаты грома, в просветах мелькают важные лица, иногда

даже оказывается, что о ней там слышали. Это уже не тот плотный непроницаемый облачный покров, который виден тысячам людей, работающим в самом низу. Но все же эта заоблачная жизнь пока недостижима. Так что расслабляться нельзя. Нельзя.

Телефонный звонок будто поставил жирную точку в ее размышлениях.

- Джоан Портер слушает, — произнесла она тем нейтральным тоном, который всегда мог плавно перетечь в сухой, покровительственный, заинтересованный или восторженно-почтительный, в зависимости от того, кто звонил. — О, здравствуйте, Шелдон. Разумеется, вы не помешали. Как прошло? Вы знаете, совсем неплохо. Как я и предполагала, у Стюарта в определенный момент возникли сложности, но я вовремя вмешалась. Так что все в порядке. Этот человек больше в нашей компании не работает. Да, я абсолютно с вами согласна, нам надо быть более строгими в этом отношении. Это безобразие, что сначала такие как этот Хопторн не желают нормально работать, игнорируют замечания начальства, а потом еще недовольны, когда мы вынуждены их увольнять... Да, вы полностью правы. Пожалуй, я скажу своим, чтобы они вовлекали лично меня с самого начала. Тогда такие вещи не будут затягиваться. Спасибо.. Спасибо... Зайти к вам сейчас? Конечно. Я буду у вас в течение пяти минут. Да.

Джоан вернула трубку на место. Еще одно дело. Похоже, уход домой откладывается. Но если начальник приглашает «по важному вопросу», выбирать не приходится. Быстрым уверенным движением

она достала зеркало, критически изучила лицо, слегка коснулась помадой губ, поправила лежащий не на своем месте локон и, оправив строгий брючный костюм, покинула кабинет.

Росс

- Итак, — Росс оглядел подчиненных, — вы все понимаете, с какой проблемой столкнулись. Какие будут предложения?

Они молчали. Они вообще часто молчали. Их надо было подстегивать, подбадривать, заводить. Тогда они начинали открывать рты и высказываться. «Больше инициативы! — говорил он каждому из них. — Будьте же активны. На вас лежит немалая ответственность». Но они предпочитали отмалчиваться. Уже пять месяцев он был их начальником, но так и не смог их расшевелить. Впрочем, особо он и не пытался. Работа шла, порой даже кипела, все делалось в срок, а многое и раньше, проблем, по крайней мере, видимых, не было, трудности, на которые постоянно жаловался его предшественник, куда-то исчезли...

И Росс знал, что именно на это обращают внимание те, кто выше. На числа, на сроки, на затраты, на внезапно испарившиеся проблемы. А вовсе не на кислые физиономии, которые словно лежалые дыни маячат сейчас перед ним. Он ведь не зря менял уже третье место за последние два года. Корпорация была огромной, а искусством переходить на новую должность с существенным повышением он овладел в совершенстве. И часть этого искусства состояла в том, чтобы

не обращать внимания на мелочи, которые не давали спать работягам. Начальствующие работяги пеклись о своих группах и наивно считали, что все подчиненные в ответ должны быть готовы идти за ними хоть на край света. Но он, он-то знал, что вовсе не это является залогом успеха.

- Надо решать, что важнее, — наконец нарушил молчание Брумер.
— Все вместе никак не потянем.

Росс кивнул.

- Разумеется. Вопрос в том, что важнее.

Они опять погрузились в молчание.

- Ну? Неужели ни у кого нет соображений? Посмотрите на список.
Все исправно повернули головы к доске.
- Наверное, второй важнее остальных, - осторожно сказала Харрис.
- А мне кажется, первый должен оставаться в начале, — немедленно возразил ее сосед.

- Почему это? — тон Харрис сразу сделался на порядок уверенней.
— С каких пор они стали более важными клиентами?

- С тех пор как они стали платить нам хо-орошие деньги...
- Можно подумать, другие денег не платят.
- Платят, но меньше и реже.
- Да о чем тут говорить? — вмешался Дрейк. —
Правительственный заказ должен стоять на самом верху. А сейчас он почему-то на четвертом месте.

- Правительство, — фыркнула Харрис. — Эти бюрократы опять забросают нас дополнительными требованиями. Им вечно что-то не

нравится. Мы можем выполнить все остальные заказы быстрее, чем этот один.

- Три заказа быстрее, чем один? Ну да...

- Конечно! Я с ними работала.

- Кто с ними не работал.

- Да вы, например.

- Я?!

- Неважно, неважно... — примирительно сказал Росс. — Вы все хорошие специалисты, и ваши мнения одинаково важны для меня. Значит так, — он подошел к доске, — первое место остается таким же, правильно? Все согласны? Хорошо. Заказ министерства идет на второе место. Или есть возражения? Нет? Пишем... А вот как распределить третье и четвертое места, не совсем понятно. Какие будут мнения? Говорите же, говорите.

Но они уже снова замолчали.

Вечером, открывая дверь на стоянку, Росс увидел две покатые спины, одна из которых, несомненно, принадлежала Брумеру.

- Опять ничего сам решить не может, — донеслось вместе с запахом дешевых сигарет. — Хоть бы один раз как мужик... — тут говорящий услышал шаги и замолчал.

- Доброй ночи, Брумер, — приветливо сказал Росс. — Не зарабатывайтесь.

Он улыбнулся курящим своей милой улыбкой, так хорошо идущей к его полному круглому лицу, и направился к машине — приземистый, какой-то весь основательный, в добротном черном

плаще. Пусть себе сплетничают. Да, решения принимать он не очень любит. Да, порой его демократичному подходу не хватает начальственной твердости. Может, над этим даже стоит поработать. Но зато начальство всегда и везде им довольно. Он умеет внушать к себе доверие. Он умеет выдавливать хорошие результаты и правильно их показывать. Он знает, как из неплохой группы можно сделать хорошую команду, пусть даже на короткий срок. Он сменил уже не одно место в компании, но при этом у него нет врагов. И именно его, его одного, только что выбрали для участия в этом важном курсе, который вызывает интерес в таких высотах, о которых он даже и не мечтал еще сегодня утром.

Пол

- Неужели вы не могли хоть немного подумать, прежде чем говорить?! Или вам недоступна такая концепция? Какого черта вы приходите ко мне, даже не удосужившись проверить свои выкладки?

- Но Пол, это ведь не так безнадежно...

- Не безнадежно? Мне не нужны небезнадежные предложения! Оставьте их для своей жены! Мне нужны четкие, верные, блестящие предложения. Если вы еще раз принесете мне такую ерунду, вы у меня работать не будете! Это понятно?

- Да.

- Вы свободны.

Пол мрачно смотрел на закрывающуюся дверь. Как можно работать с такими рохлями? Из двухсот человек нормально мыслят от силы тридцать. Разогнать бы этих убогих куда подальше, да набрать крепких, толковых людей — таких как его ядро. Ан нет, нельзя. О людях заботиться, видите ли, надо. А то, что эти люди в последний раз шевелили мозгами во время университетских выпускных экзаменов, это никого не волнует. Впрочем, даже с выпускными экзаменами не все однозначно.

На столе требовательно звякнул телефон. Пол наградил его угрюмым взглядом. Тебе еще что надо?

- Слушаю.
- Пол?
- Да, Стив. Чем могу быть полезен?
- Я вижу, ты снова не в духе.
- Будешь тут...
- Зайди ко мне на минуту. Разговор есть.

В кабинете начальника Пол утонул в глубоком кресле, предназначенном для избранных посетителей, и кисло посмотрел в потолок.

- Ну что в этот раз?
- А бывает что-то новое? Всегда одно и то же.
- Снова людьми не доволен?
- Как с ними можно быть довольным? Тяп-ляп... нет, чтоб подумать. Половина вообще откровенно не тянет. Уровень не тот. Зачем вы мне только их всех подсунули?

Стив вздохнул.

- Ты вообще отдаешь себе отчет в том, что говоришь о лучших специалистах в фирме?

Пол лишь хмыкнул в ответ и еще глубже осел в кресле.

- Когда тебя брали на работу, тебе было сразу сказано, что большинство людей надо будет взять изнутри. Так?

Пол кивнул.

- А раз так, будь добр справляться. Ты и так лично нанял не один десяток.

- А надо было всех.

Стив вздохнул.

- Значит так, тебе придется с этим мириться. Или проектом будет руководить кто-то другой. Собственно говоря, для этого я и попросил тебя зайти.

Пол нахмурился.

- Вы опять собираетесь дать мне управляющего?

- Да. И если это произойдет, в этот раз ты не отвертишься.

- Но почему?!

- Потому что так дальше продолжаться не может. Тебя позвали из-за того, что считали, что лучше тебя с этой задачей никто не справится.

- Правильно считали.

- Да, правильно, — Стив был очень серьезен. — Ты делаешь свое дело. Но слишком дорогой ценой. По компании уже ходят легенды о твоих разносах. Люди недовольны. Полгруппы на ножах с другой

половиной из-за твоих методов. И при этом ты сам вечно недоволен. Ты перетасовал своих людей уже не один раз, но по-прежнему раз в неделю заявляешь, что так работать дальше нельзя.

- Ты же знаешь, что я немного преувеличиваю.

- Зато я нет. Тебе уже дважды пытались дать опытного администратора. Ты не хотел, ты устраивал скандалы, ты кричал, что пусть «этот теоретик сам и пашет», ты практически выживал их. Но всему бывает предел. Мы по-прежнему видим в тебе главного человека проекта. Но если ты прямо сейчас не изменишь своего отношения к людям, которые у тебя работают, то проектом начнет руководить кто-то другой. А ты будешь техническим руководителем. А не диктатором.

Пол встал и нервно прошелся по комнате.

- Хорошо. Хорошо. Я понимаю. Хотя это, конечно... Да, я понимаю. Я с ними разберусь.

- Это еще не все, — сказал Стив, следя за резкими перемещениями угловатой фигуры. — Мы считаем, что тебе необходимо стать более сильным лидером для того, чтобы с этим справиться.

Пол остановился.

- То есть?

- То есть мы хотим отправить тебя на недельный курс, который тебе в этом поможет.

- Курс? Вроде того, куда вы меня уже пытались загнать? Болтовня о том, что к каждому нужен свой подход?

- Нет, — Стив начал заметно раздражаться. - О том, как стать истинным лидером. И не болтовня. И, между прочим, к каждому нужен свой подход. И вообще, тебе не кажется, что ты немного забываешься?

Пол миролюбиво поднял руки.

- Ну, прости, прости. Погорячился. Я не должен был так говорить. Но ты же сам понимаешь, тут черт знает что творится, а мне придется неделю заниматься чем-то другим. Что за курс-то?

Стив покачал головой, изображая смесь усталости и недоверия.

- Курс такой, что тебе туда ехать, по-хорошему, не следует. Но это не мое решение. Короче, я об этом много не знаю. Да и никто, похоже, не знает. Слухи одни. Что-то уникальное, никто туда никогда не ездил и тому подобное. Информация об этом просто нулевая. Раскопал эту программу где-то Тронберг... Да, я не шучу, именно он. И теперь во чтобы то ни стало хочет туда кого-нибудь послать, потому как наши конкуренты непременно это сделают. А там какие-то жесткие требования. Берут только тех, кто очень хорошо и очень быстро продвинулся. Так что ты не совсем тот случай. Тебя-то заранее брали для больших дел.

- Ладно, Тронберг знает, что почему. А что делают там?

Стив пожал плечами.

- Делают из тебя лидера. А как — понятия не имею.

Алан

Алан медленно перевернул широкий желтоватый конверт и высыпал содержимое на стол. И так, свершилось. Его заметили. На него обратили внимание. На него пал веский начальственный выбор, мгновенно выделив из сотен других. Он неторопливо смаковал свой триумф. Четыре, нет, пять лет тяжелой работы не пропали зря. Тот крутой взлет, о котором он мечтал с самого начала, когда сразу после университета пришел в эту гигантскую корпорацию, похоже, все-таки начался. Как он спорил тогда с Тимом и Ларри! «Ты затеряешься!» – кричал Тим. «Ты будешь одним из многих тысяч! Да там уже потеряли счет людям! Опомнись!» Но он знал, что делал. Если ты незауряден, если ты круглый отличник, если ты умеешь произвести хорошее впечатление, то тебя выберут из легионов выпускников и будут вежливо упрашивать принять предложение о работе. Не так ли? Тим и Ларри соглашались. Но если так, то почему и дальше нельзя идти по тому же пути? Почему надо останавливаться? Разве нельзя с той же настойчивостью и целеустремленностью, используя все свои таланты, идти вверх, нагоняя и обгоняя более заурядных людей, пусть даже и пришедших в компанию раньше? И через десять лет встать возле тех, кто правит одной из таких компаний, которые – тут Алан делал многозначительную паузу – которые, как мы с вами понимаем, правят миром.

Но в этом месте друзья переставали соглашаться с ним. «Это тебе не кино», – фыркнул Тим. – Там таких умных знаешь сколько? И все к рулю хотят. Станешь за десять лет начальником отдела и начнешь пенсию ждать». А Ларри одобрительно качал умной очкастой

головой, слушая эти громкие сентенции. Сам он не стремился в начальники, но его амбиции были ничуть не меньше, разве что другого рода. Хотелось ему научной славы и всемирного признания. И хорошо бы Нобелевку. «Не туда надо идти! Ну, пойми, не туда!» – провозглашал Тим, ободренный молчаливой поддержкой друга. Под «не туда» подразумевалось «а туда, куда иду я». А шел Тим в какую-то никому неизвестную, богом забытую, людьми непримеченную фирмочку, одну из тех, что как грибы после дождя выросли в последние годы среди сверкающих конструкций технологического центра. Там, как свято верил и громко доказывал Тим, его ждал мгновенный и ошеломительный успех – такой, которого никогда и ни за что не добиться слепцам, продающим свои души корпоративным монстрам. Фирмочка должна была неотвратимо вознестись, расширяться, расцвести пышным цветом, и вместе с ней в невидимые снизу выси должен был воспарить Тим. И жалко ему было смотреть на то, как его талантливый и незаурядный друг готовился совершить трагическую ошибку. «Тимчик прав, – соглашался Ларри. – Риск, конечно, есть, но рисковать надо. Нужно время, нужное место... Да ты сам понимаешь». Но Алан не хотел рисковать. Он хотел бить наверняка – так, как поступал всегда и во всем.

Ну, и кто оказался прав? Где теперь Тим и Ларри? Тим стучит по клавишам в фирмочке. Да только не в той – та тихо развалилась через два года. И пошел Тим к бывшим конкурентам, надеясь, что там его оценят. И оценили его, и зарплату хорошую дали, и горы золотые пообещали вдобавок. И радостно лопнули через восемь месяцев. Вот

так. А Ларри? Ларри сидит в своем университете, по уши погряз в местных дрызгах, сражается за гранты, жалуется на то, что его подсиживают, да читает лекции безнадежным олухам. И Нобелевка пока ему не светит. А вот Алан правит. Правда, пока не миром. И не всей компанией. И даже не филиалом. Но сто с лишним человек у него есть. И вовсе не десять лет у него заняло восхождение к должности начальника отдела. А всего-то два с половиной. И не затерялся он, и не утоп в корпоративном болоте. А теперь вот о нем узнали и заговорили на самом верху — там, куда непременно, неотвратимо рано или поздно он попадет сам. И решили, что именно его надо послать на этот загадочный курс, о котором даже его начальник толком ничего не знает. Его одного и никого другого.

Алан гордо посмотрел на конверт. Вот так-то... Вот так. Посмотрим, что же нам тут сообщают. Как выяснилось пять минут спустя, сообщали немного. Сообщали, например, что будут очень рады видеть еще одну яркую личность. Сообщали, что проводят этот курс не первый год и всегда с неизменным успехом. Намекали на невероятную уникальность методики. Туманно ссылались на могущественных и удовлетворенных клиентов. Демонстрировали фотографию очаровательного бревенчатого дома на берегу хрустального озера и рассказывали, как туда добраться. Обещали представить подробный отчет и анализ лидерского потенциала (как раз это обещание особого восторга не вызывало, но делать было нечего — не отказываться же от такой возможности из-за подобной ерунды). Сулили сделать из яркой личности не менее яркого лидера.

Прилагали еще одну фотографию, на которой молодой человек с орлиным профилем, хмурился, словно Роденовский мыслитель над какой-то сложнейшей задачей. Надпись под снимком гласила, что запечатлен на нем не актер, а реальный участник курса во время проведения оногo. И все. Ни слова о методах, распорядке дня и о том, почему сам вице-президент занимался этим вопросом.

Впрочем, еще кое-что там было. Листок с двумя лаконичными вопросами и настоятельной просьбой подумать над ними и сформулировать откровенные ответы. Слово «откровенные» было недвусмысленно подчеркнуто. Алан перечитал вопросы и усмехнулся. Неужели они действительно ожидают получить откровенные ответы? Он небрежно бросил листок на стол и встал. А разве важно, что они ожидают и что там будет происходить? Главное — он туда едет. А вопросы... Ну кто же на его месте искренне ответит на эту бестактность? «Почему я получил ту должность, в которой сейчас нахожусь? Чего я хочу больше всего, когда думаю о дальнейшей карьере?» Ясно почему. И ясно, чего хочу... Но говорить об этом вслух? Увольте, это же просто наивно. Он еще раз усмехнулся и начал складывать яркие бумаги обратно в конверт.

До чего же мы любим играть словами. Курс для настоящих лидеров! Как громко и звучно сказано. Лидер. Человек, за которым идут. Человек, которого слушают. Человек, чье слово — закон. Вы желаете стать таким человеком? Приходите к нам! Мы сделаем из вас лидера, даже если обычно вы стесняетесь спросить, кто последний в очереди. Коль скоро вы провели пять

лет, передавая чужие указания, сидя с умным видом на совещаниях и подписывая многочисленные бумажки, вы пригодны. У вас есть потенциал, а у нас есть методика. Совместим эти ингредиенты, слившись в пятидневном единении и, словно Феникс вы родитесь заново, – на этот раз истинным лидером. Ваши подчиненные станут боготворить вас, ваша жена сменит “ты где был?» на “конечно, дорогой», а ваше начальство будет ценить ваш совет больше, чем свое собственное мнение. И, словно мессия, вы поведете своих подчиненных к невидимым им целям. Заходите, приобщайтесь, наслаждайтесь! Все уже оплачено вашим работодателем!

Лидеры... Язык все стерпит. Даже такое надругательство. Они ведь даже не знают, что такое лидер. Для них это просто новое модное словечко. Очередное завихрение в корпоративных мозгах. Притом, что истинных лидеров здесь раз-два и обчелся. Для них лидер – это бодрый болтун, чутко улавливающий настроения начальства и направление ветра.

А настоящий лидер это не так. Это, в первую очередь лицо. Молодое ли, старое, свежее или изможденное, красивое или некрасивое – это все не важно. Главное – это вера, которым оно светится. И голос. Тембр неважен, важен напор, важна сочащаяся кровью вера. «Это проблема, это большая серьезная проблема, но мы справимся с ней. Справимся!» «Я, как лидер этой нации, со всей ответственностью заявляю...». «За мно-о-ой!» «Ну, давай, не смей отставать, слабаки нам не нужны!» «Уберите его...». «Запомните мои слова: враг не пройдет!» «Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота...».

Голоса, сливающиеся в один Голос. Лица, сливающиеся в одно Лицо. А за лицом, за голосом, за непреклонностью и уверенностью – сила и воля. Вот

что такое лидер. И главное, вот уж кем точно не становятся, а рождаются. Правильные обстоятельства, воспитание, окружение – это все, конечно, помогает. Но в первую очередь должен быть тот жесткий несгибаемый внутренний стержень, на которые все эти обстоятельства будут нанизаны.

Но ни о чем подобном там, конечно, говорить не станут. Этот курс, несомненно, порождение того же суетливого скучного мира, который приходится наблюдать пять дней в неделю. В этом мире очень любят использовать громкие слова, более достойные генерального штаба армии, чем мирных кабинетных работников. Стратегия, потери, борьба за власть... Хотя «стратегия» в этом мире – это способ сэкономить три процента расходов путем перехода на более дешевую туалетную бумагу. А «борьба за власть» – это убогое писание жалоб начальству с целью заполучения двух человек из соседнего отдела. «Лидер» же в этом мире – это безобидный полнеющий человек, которого до шестнадцати лет дразнили и называли тюфяком. Ладно, что уж там. К чему это брюзжание? Будет хоть какое-то разнообразие...

Глава вторая

Горы были серо-синими. Крутой ломаной линией они рассекали свежее утреннее небо, тянулись по всему горизонту и с обеих сторон замыкали свои объятия. Словно на картине, хребты, приближаясь, меняли свой оттенок от полупризрачного бледного до налившегося

темной краской полноценного цвета. А у их подножия окаймленное зеленой массой деревьев сверкало зеркало озера.

Майкл медленно втянул в себя прохладный бодрящий воздух. Уходить с веранды не хотелось. Пожалуй, ради одного этого вида стоило ехать почти четыре часа, встав спозаранку. Сначала была залитая ярким светом горная дорога над захватывающим дух обрывом, затем — петляющая среди величественного леса грунтовка, неожиданно закончившаяся идиллическим пейзажем. В самом центре пейзажа возвышался своими двумя этажами основательный, крепко сбитый из длинных бревен дом. Бревна почернели от времени, и на глаз этому строению можно было дать лет сто, но при этом не чувствовалось в нем ни малейшей ветхости. Напротив — прямые отвесные стены были пропитаны основательной солидностью, словно древнее, но полное сил и жизни, дерево.

Дом стоял почти у самой кромки воды, повернувшись окнами к дремлющему озеру. У короткого бревенчатого причала, увешанного угольными покрывками, едва заметно покачивались три ослепительно белые «моторки» и пара лодок с красными веслами. Мелькнули, словно кадры в кино, профессионально радушная улыбка администратора, просторный холл с традиционными чучелами и рогами на стенах, солидная дубовая дверь номера, широкая, будто для молодоженов предназначенная кровать. Хотя до начала оставалось еще минут двадцать, задерживаться в номере не имело смысла, и Майкл отправился вниз — в конференц-зал, где, как утверждала карточка, и будет проводиться курс.

Небольшой зал неуловимо сочетал в своей отделке серьезность и раскованность. Меблировку составляли стоящие полумесяцем четыре круглых стола с разложенными на них глянцевыми папками, прямоугольный стол перед ними, еще несколько столов у стен, аккуратно расставленные стулья, да развешенные на треногах огромные девственно чистые листы. Зал был практически безлюден. Только в углу возле шведского стола с булками и бутербродами какой-то солидный круглощекий мужчина сосредоточенно колдовал над стаканом кофе, с величайшей осторожностью отмеряя в него сливки. Майкл коротко кивнул ему и прошел наискось через зал на веранду. И там, на веранде, на него и навалилась эта красота едва проснувшихся гор, словно сошедшая со страниц рекламного журнала. Он усмехнулся этому сравнению. До чего же странной стала жизнь, если человек непроизвольно сравнивает настоящие красоты с журнальными. По здравому смыслу должно быть наоборот. А он вот стоит и думает, что давеча видел как раз такую фотографию. И краски там были такие же, и убаюкивающее спокойствие застывшей воды, и взбегающие вверх по склону ели. И даже мчащаяся лодка тоже была там.

Он отвел взгляд от бешено вспарывавшей озерную гладь «моторки» и взглянул на часы. Все, пора идти. Начало через пару минут, а чашка кофе действительно не помешает. Моторная лодка внизу лихо подошла к причалу. Темная фигура гибким движением перемахнула через борт на настил и стала ловко вязать узлы на причальной колодке. Интересно, подумал Майкл, когда ему надо было встать,

чтобы успеть прошвырнуться по озеру до начала? Впрочем, приехать он мог еще вчера вечером.

Появившиеся за пятнадцать минут люди неузнаваемо изменили зал. Он ожил, но стал еще меньше. Майкл с интересом остановился в дверном проеме, не торопясь входить. Если всех отбирали по одному принципу, компания должна была получиться любопытная. Все – менеджеры среднего звена. Все быстро делающие карьеру. Все подающие большие надежды. И разумеется, все по-своему амбициозные и стремящиеся наверх. На вид никого старше тридцати пяти-тридцати шести. Хотя юных дарований, тоже не видно. Юные дарования вообще редко оказываются в менеджменте. Гораздо чаще они упоенно работают, обогащая своих работодателей и создавая у менеджеров иллюзию, что именно они руководят этой кипучей деятельностью. А иногда они основывают свои компании, и через какое-то время мир начинает восторженно охать, а именно такие амбициозные тридцатилетние начальники отчаянно стараются в эти компании попасть.

Одно юное существо сюда все же затесалось, хотя относится ли оно к дарованиям – это еще вопрос. Майкл некоторое время понаблюдал за высоким хрупким херувимчиком с юношеским румянцем на щеках. Судя по уверенной манере держаться, херувимчик вполне мог быть дарованием, причем, особого рода. Вот он любезно пропустил вперед изящную женщину с короткой, почти мальчишеской стрижкой. Женщина что-то ему сказала, он ответил, и, судя по выражению ее лица, ответ был удачен. Вот он уверенно пожал руку приземистому

усачу — пожалуй, самому старшему из присутствующих. Усачу комплимент отвесить будет посложнее, но, похоже, он справился и с этим, потому что под усами складывается одобрительная улыбка. Ай да херувимчик! А вот он слишком долго смотрит куда-то вбок, и теперь, когда он не следит за выражением своего лица, особенно хорошо видно, до чего же он молод. Майкл проследил за взглядом голубых глаз и нашел причину такого оцепенения весьма уважительной. Блондинка действительно была хороша. Чудо как хороша. Разумеется, она об этом знала, и это только придавало ее движениям особую привлекательность. Вот для кого эта неделя однозначно обещала быть приятной. Во всем зале кроме нее и шатенки, с которой до этого любезничал херувим, не было ни одной женщины. А что может быть лучше на таком курсе, чем тщательно скрываемое за любезными манерами, восторженное, а то и жадное внимание десятка мужчин?

Кстати, десятка ли? Майкл мысленно пересчитал собравшихся. Оказалось, что вместе с ним в комнате набралось тринадцать человек. Любопытное число. Кроме суеверной подоплеки подсчет выявил двух мужчин, которым было явно за сорок, одного охранника — никем другим человек таких габаритов быть не мог — и любопытствующий взгляд блондинки. Поймав этот взгляд, Майкл решил, что пребывание в дверях затянулось, и прошел в зал.

Джоан видела, как пришедший с веранды невысокий брюнет с немного насмешливым выражением лица внимательно осматривал присутствующих. Ему явно не мешало бы поучиться хорошим

манерам. Ей самой тоже любопытно посмотреть на тех, с кем предстоит провести неделю, но нельзя же так беспардонно глазеть на людей. Хотя этот мальчик возле стола смотрит еще более настойчиво. Но он хотя бы глядит так только на нее одну. Надо ему улыбнуться. Вот так. Теперь он наверняка засмущается. Нет, надо же, никакого смущения. Напротив, радостно улыбается в ответ. И улыбка у него очень милая. Весьма самоуверенный юноша. Он до этого любезничал со Стеллой – так, кажется, назвалась это деловитая шатенка, когда они вместе получали ключи. Интересно, это крашенные волосы? Очень уж приятный цвет. Так или иначе, конкуренции она не составляет. Симпатична, несомненно, следит за фигурой и лицом, но не особо женственна. Излучает чуть ли не мужскую уверенность в себе. Не в своей красоте, а именно в себе самой. А мужчинам такое не очень нравится.

Мужчины тут, между прочим, собрались весьма интересные. Чего стоит, например, один этот блондин. Высокий, но в меру, не телеграфный столб. Лицо открытое и очень приятное, особенно когда улыбается. А улыбается он, кстати сказать, часто. Чем-то он напоминает того русского, который первым полетел в космос. И такой крепкий, ладно сбитый. Ему, конечно, далеко до громилы в углу, но до того далеко всем в зале. Впрочем, ничем, кроме своих размеров громила не примечателен. Наверное, не особо умен, с такими широченными плечами... А вот еще один... только что вошел, проворно осмотрел всех, но, в отличие от насмешливого брюнета, задерживаться на пороге не стал. Пострижен коротко, пожалуй,

слишком коротко — к такому живому лицу скорее пошли бы более длинные волосы. Глаза очень резко очерчены. Ясные такие глаза, уверенные, быстрые. Тоже невысок, но очень хорошо скроен. В общем, приятен, ничего не скажешь. А еще...

— Прошу вас, прошу вас, присаживайтесь, — произнесенные ровным голосом слова прервали ее размышления.

Роберт закончил наливать кофе, кинул на блюде яркий кусок дыни и повернулся на голос. Благообразный мужчина с пробивающейся в густых волосах сединой приветливо приглашал всех рассаживаться. Собравшиеся с готовностью окликались на предложение. Так, похоже, успел в самый раз. Правильно сделал, что перед целым днем разговоров глотнул свежего воздуха. Лодки у них тут ничего. Не самые мощные, конечно, но тянут. Завтра утром надо будет повторить. Хорошо бы еще прокатиться на водных лыжах, но вряд ли у них тут есть такое развлечение. Развлечения здесь, судя по всему, предстоят другие. Он заметил свободное место и прошел к стулу.

- Роб, — коротко представился он, протягивая руку круглолицему соседу.

- Росс, — радушно отозвался тот, улыбаясь и зачем-то проводя левой рукой по начинающей лысеть голове.

Сидящая слева от него стройная шатенка одарила Роберта вежливой улыбкой и, по-мужски уверенно протягивая ладонь, сказала:

- Стелла.

Роберт кивнул ей, повторил свое имя и, осматриваясь, сел. За другими столами тоже происходили знакомства — там пожимались руки и звучали имена. Соседний стол эту стадию уже явно прошел. Поместившаяся между двумя мужчинами эффектная блондинка оживленно болтала с соседями. Один из них что-то вежливо отвечал ей, перемежая свои ответы широкой улыбкой, другой вертел в мощной руке карандаш и сдержанно вставлял в разговор короткие реплики.

- Как вам гостиница? — круглолицый Росс исходил желанием начать непринужденную беседу, но ничего лучше такого вопроса, очевидно, придумать не смог.

- Красиво, — отозвалась Стелла, отрываясь от своей папки. — Озеро чудесное. Надо будет найти время искупаться.

- Вряд ли получится, — коротко сказал Роберт. — Вода холодная. Стелла недоверчиво взглянула на него.

- Почему вы так думаете? Сейчас июнь.

- Во-первых, вода идет с ледников. А во-вторых, я пробовал.

- Вы здесь бывали? — удивилась она.

- Нет, я пробовал сегодня. Час назад.

Стелла улыбнулась.

- Раз тут есть пляж, то очевидно для того, чтобы люди купались.

Роберт покачал головой.

- Пляжа нет. Я нырял с лодки.

- И почему вы думаете, — Стелла приложила тонкий палец к щеке, — что вода, которая хороша для вас, недостаточно тепла для других?

- Потому что... — начал Роберт, но тут его прервал голос благообразного: "Начинаем, начинаем». — ...Потому что я знаю только двух людей, которые купаются при такой температуре, — закончил он вполголоса. — И второго здесь сейчас нет.

Стелла испытующе посмотрела на него и, тоже понизив голос, ответила:

- Возможно, вам следовало бы расширить круг знакомств.
- С удовольствием, — глядя ей в глаза, согласился Роберт.
- Итак, — провозгласил благообразный в центре зала, — давайте приступим к тому, для чего мы все сюда приехали.

Остатки разговоров порхнули по комнате, задержались над крайним левым столом и растаяли в солнечном воздухе. Благообразный встал из-за стола, обошел его, являя начинающую полнеть фигуру, облаченную в серый джемпер и мягкие брюки, и вдруг непринужденно присел на стол, нисколько не считаясь с тем, что это совсем не вяжется с его обликом.

- Добро пожаловать на самый важный курс в вашей жизни.

Роберт не смог сдержать ироническую улыбку.

- Это не беспардонное нахальство, — сладко сказал благообразный. — Это простая констатация факта. Каждый из вас — профессиональный менеджер. И значит, каждый из вас провел не один год, подготавливая себя к своей нынешней карьере. Сначала школа, потом университет, затем еще какие-то курсы, на которые вас всех, разумеется, посылали. Но ни одна неделя обучения в вашей

жизни не была столь полезной для вас, какой станет эта. Если, разумеется, вы собираетесь оставаться менеджерами...

- Па-азвольте, — встрял недовольный голос справа, — откуда вы знаете, какие курсы я посещал и насколько полезными они для меня были?

Все повернулись вправо — к гладко выбритому человеку, который полуразвалившись на стуле и обмахиваясь, словно веером, какой-то бумагой, ожидал ответа.

- Этого я не знаю, — вежливо согласился благообразный. — Зато я знаю, что вы еще не бывали на нашем курсе. И этого достаточно.

- Вы хотите сказать, — оживился недовольный, — что ни один курс для менеджмента во всем мире не может сравниться с вашим?

Благообразный пожал плечами.

- Сравниться может. Превзойти — нет. Неделю спустя вы и сами так будете думать.

Недовольный скептически фыркнул и поставил перед собой согнутую пополам бумагу, на которой оказалась надпись «Пол». На лице его читалось явное "ну-ну".

- Для начала представимся. Мои коллеги, — благообразный простер руку вправо, — Арден и Эд.

Щуплый, походящий на напоминающий небритого мальчишку, Арден раскланялся. Солидный Эд ограничился улыбкой.

- Меня же зовут Кларк, и я отвечаю за курс в целом. Ну а теперь к делу. Я не буду вам пересказывать то, что вы прочли в своих брошюрах. Песни о международном успехе, удовлетворенных

клиентах и о том, что сюда попадают только по рекомендациям глав компаний, — дело наших рекламщиков. Хотя, между прочим, все, что там написано — чистая правда. Что само по себе уже редкий случай. Гораздо интереснее другое: почему я, да и не только я, считаю, что ни один курс не может превзойти наш. Считаем мы так, согласно выражению одного из моих знакомых, по трем причинам.

— Первая, — Кларк растопырил пальцы левой руки и с маху загнул мизинец. — Мы единственные в нашем бизнесе, кто полностью, до самого конца называет вещи своими именами. Все, для чего вы приходите каждый день на работу, все, что мотивирует вас уже не первый год, все, о чем вы мечтаете, когда думаете о карьере — все это вы не найдете в других курсах. На эти темы наложено негласное, но очень жесткое табу. Мы же его не признаем, нарушаем и отмечаем. Мы говорим вам правду — ту правду, которую до этого вам в лицо не говорил никто, по крайней мере, никто, с кем вас связывали деловые отношения.

— Вторая причина, — безымянный палец ушел вниз, тускло блеснув кольцом. — Мы единственные в нашем бизнесе, кто, назвав вещи своими именами, выделяет истинные факторы, лежащие в основе успеха компаний и людей. А выделив их, мы помогаем вам развивать именно те качества, которые необходимы для успеха.

И, наконец, причина третья — то, как мы это делаем. Ни одна компания в мире не использует подобную методику. Ни чьи методы не могут даже приблизительно сравниться с нашими. То, что мы делаем, просто, как все гениальное, и точно так же эффективно. Наш

курс — это уникальный шанс, который предоставляется только прибывшим сюда. Ваши коллеги и конкуренты не имеют возможности попробовать что-либо подобное. Почему — вы поймете сами.

Кларк загнул большой палец и, с мгновение подержав перед собой оставшееся “V”, увел руку вниз.

- Вот, собственно, и все. Сегодня вам предстоит день теории, а затем четыре дня практики. Поначалу теория вам покажется очевидной, а практическое задание — примитивным. Тем не менее, прошу вас: не поддавайтесь первому впечатлению. Чем серьезнее вы отнесетесь к курсу, тем больше вы в ходе него почерпнете.

Теория начнется прямо сейчас. Но сначала — несколько простых правил. Все, что вы знаете друг о друге, это имена. Даже не фамилии. И тем более не компании, в которых вы работаете. Я настоятельно рекомендую вам не делиться друг с другом никакой другой информацией.

- Почему? — с едва заметным вызовом поинтересовался Пол.

Кларк вежливо улыбнулся.

- В интересах вас и ваших работодателей. Через два-три дня вы поймете, почему я так говорю. Пока поверьте на слово.

«Интересный предстоит курс, — подумал Майкл. — Как будто мы здесь собрались лечиться от алкоголизма».

- Еще одно правило, - Кларк продолжал гнуть свою линию. -. — Все, что здесь происходит, не подлежит огласке. Вы, разумеется, можете в каком-либо виде описывать этот курс знакомым, но,

пожалуйста, ни в коем случае не переходите на личности. Все это, впрочем, подробно описано в соглашении, которое каждый из вас подписал. Единственные люди, с которыми вы можете смело все обсуждать, это ваши руководители. Мы, кстати, получаем около девяноста процентов новых клиентов именно в результате подобных рассказов и, разумеется, наглядных результатов. Ну и последнее: попытайтесь быть максимально раскрепощенными и будьте просто сами собой.

- Расслабьтесь и получайте удовольствие, — добавил Пол.

- Именно! — подхватил Кларк, словно даже обрадовавшись скользнувшему по лицам улыбкам. — Удовольствие я, кстати, гарантирую. По крайней мере, некоторым из вас.

Майкл улыбнулся. Гарантия звучала несколько двусмысленно.

- Можно вопрос? — вежливо спросил херувимчик, перед которым теперь оказалась надпись «Алан».

- Разумеется.

- Как вы получаете остальные десять процентов ваших клиентов?

Кларк с интересом взглянул на него.

- Оставшиеся десять процентов новыми клиентами, собственно говоря, назвать нельзя. Это те, кто в свое время посетил наш курс.

- Они посылают вам своих людей, став главами компаний? — уточнил Алан.

- Абсолютно верно, — с тонкой улыбкой подтвердил Кларк. — Очень хорошо подмечено.

- А как же совсем новые клиенты? Вы же себя как-то рекламируете?

- Уже много лет наши единственные рекламные агенты – это люди, прошедшие курс. Мы давно не прибегаем к обычным рекламным средствам.

- В таком случае, сколько времени ваш курс существует? – озадаченно спросила блондинка.

Кларк развел руки.

- Долго. Очень долго. Значительно дольше, чем можно предположить. Мы учим вечным истинам. А теперь пришло время поговорить о той самой правде. О табу.

Росс с видом заговорщика качнулся к Стелле и тихо сказал:

- Любопытно, что он нам сейчас поведает.

- Поведаете это, собственно, вы, – проявив незаурядный слух, отозвался Кларк. – Я буду только обобщать. Помните два вопроса, о которых вам предлагалось подумать на досуге? Теперь самое время поговорить об ответах. Будьте добры, возьмите, пожалуйста, самый верхний лист из вашей папки, впишите туда соответствующие ответы и сложите. Просто пополам или как вам будет угодно. Эд соберет ваши записки, а затем мы их огласим. Это и будет та самая правда. При условии, что вы будете искренни. Подписываться не надо – ответы могут быть анонимными. Пожалуй, даже лучше, если они будут анонимными.

Под идущий со всех сторон шелест Майкл открыл папку. Да, те же самые вопросы. И зачем-то в двух экземплярах. Почему получил...

Чего хочу... Игры. Сплошные игры. Ладно, поиграем. Он оглядел зал. Лишь на некоторых лицах было написано любопытство. Усач явно скучал. Скептическое выражение на лице Пола лишь усилилось. Вот кому это все явно не нравится. Блондинка демонстрирует вежливый интерес. Так, значит, как я оказался на своем месте? Скажем, вот так. Чего хочу? Послание анонимное, так что можно написать и честно. Анонимность вообще стимулирует откровенность. Так же как и самый гнусный обман... Но мы будем честными. Не будут же они проводить графологическую экспертизу. А даже если бы и проводили, что в этом такого? Записали, завернули... А вот и Эд тут как тут. Извольте получить.

Майкл отдал сложенный лист Эду и вновь огляделся по сторонам. Прямо как в начальной школе. Только здесь — все отличники, поэтому закончили почти одновременно и теперь переглядываются. Впрочем, один человек еще что-то пишет. Любопытное лицо. Аристократическое и некрасивое одновременно. Имени полностью не видно, он его частично закрыл. Начинается как «Ке...». Вот теперь и Ке закончил. И оказался Кевином.

- Ну что ж, — сказал Кларк, расправляя листки, - давайте поговорим о вечном. Я буду только читать ваши ответы. А выводы вы делаете сами. Итак, вопрос первый. «Почему я получил ту должность, в которой сейчас нахожусь?» А вот и ответы. «Потому что я — наиболее подходящий для этой должности человек».

По комнате прокатился смешок. Кларк, даже не улыбнувшись, взял следующий лист. «Потому что мой бывший начальник ушел наверх».

Следующая записка. «Потому что я умен». Зал хохотнул теперь уже громче. Кларк задумчиво почесал подбородок, как будто желая что-то сказать, но промолчал. Следующий ответ показался чем-то знакомым: «Потому что мой босс ушел на пенсию». Шелест бумаги. «Потому что выше я пока подняться не смог». Кларк задумчиво оглядел зал и вернулся к чтению. «Потому что на этой должности я полезен своей компании». Майклу показалось, что некрасивый аристократ еле заметно улыбнулся. «Потому что без меня это был бы не проект, а полное дерьмо». Кларку пришлось выждать минуту для того, чтобы хохот утих.

- Честное слово... - маша рукой, говорил Росс, — ...честное слово, я это не писал, но полностью готов подписаться.

Стелла взглянула на Роберта. Он отрицательно качнул головой.

— «Потому что мое начальство меня ценит". — Кларк уважительно покивал. — «Потому что должен же кто-нибудь руководить этим отделом. Почему бы не я?»

- Собственно говоря, — Кларк все-таки нарушил свой обет молчания, — это не ответ. Это вопрос. Впрочем, ладно. «Потому что мне нравится эта работа, и я делаю ее хорошо». «Потому что когда надо было выбрать одного человека из пятерых, выбрали меня». Все.

Кларк замолчал.

- Так, - сказал он после недолгой паузы. — Примерно то, что ожидалось. Теперь вопрос номер два. Чтобы было интереснее, сделаем так... Впрочем, вы все равно пока не следите...

Он рассыпал листки по столу, перемешал их и опять собрал в стопку.

- Вопрос номер два, как вы помните, звучал так: «Чего я хочу больше всего, когда думаю о дальнейшей карьере?» Посмотрим, посмотрим... «Успеха»... «Успешного продвижения»... «Быстрого повышения»... «Хочу продолжать приносить пользу своей компании»...

Пол громко фыркнул. Кларк коротко глянул в его сторону и продолжил: «Хочу когда-нибудь возглавить компанию». — Переглядывание в зале. — «Хочу расти и дальше»... «При количестве окружающих меня идиотов, моя будущая карьера весьма сомнительна». Теперь уже фыркнуло пол-зала.

- Опять же, — вздохнул Кларк, — это не ответ на поставленный вопрос. «Хочу хорошо и быстро продвигаться»... «Хочу руководить большей группой в этой области»... «Хочу со временем заменить своего начальника»... «Хочу стать вице-президентом».

Он хлопнул стопкой листов о ладонь.

- Интересно, - негромко сказала Стелла. — Не президентом, а именно вице-президентом.

- А что тут такого, — пожал плечами Роберт. — Человек знает свой потолок.

- Какие будут комментарии? — обратился к залу Кларк, перебирая листки.

- У кого-то на работе засилье идиотов, — сверкнул белозубой улыбкой сосед блондинки.

- Верное наблюдение, Крис, – подтвердил Кларк, скользнув глазами по надписи на табличке. – Еще какие-нибудь замечания?

- Очевидные ответы, – сухо сказал грузный усатый мужчина, сидящий за крайним левым столом.

- Вот как? – удивился Кларк. – И почему же они очевидные? Кстати, не могли бы вы немного развернуть свою табличку. Вот так, спасибо... Брендон. Так чем же эти ответы для вас очевидны?

- А что вы еще ожидали в них найти? – вопросом на вопрос ответил Брендон. – Каков вопрос, таков и ответ.

- Правду, например, – очень серьезно отозвался Кларк. – Но я ее не очень-то ожидал. Это ведь не первый мой курс.

- И что именно в этих ответах лживо?

Кларк покачал головой.

- Я бы не сказал, что они лживы. Просто все они, за исключением разве что одного, поверхностны. Хотя некоторые из них весьма остроумны.

- Простите, не понимаю. Я лично написал все очень честно, серьезно и никак не поверхностно.

- Честно и серьезно – разумеется. Никак не поверхностно – позвольте с этим не согласиться.

Брендон огладил усы.

- Позволяю. Но только если вы объясните, что имеется в виду.

- С удовольствием. Это именно то, для чего мы здесь собрались. Возьмем, к примеру, ответы на первый вопрос. Что мы имеем? Я занимаю свое нынешнее место, потому что мое начальство ушло,

потому что мое начальство ушли, потому что мое начальство меня ценит, потому что мое начальство меня любит... Разве это не поверхностно?

- Но мы же не дети, — басовито сказал атлетически сложенный сосед блондинки. — Именно так все и происходит. Мы ведь все это понимаем.

- Вы правы, Алекс, — подтвердил Кларк. — Без любви начальства и свободного места далеко не уедешь. Но разве это и есть основная причина того, почему вы оказались на своем месте? А почему бы не оглянуться назад? На год. На два. На десять. Из-за чего вы вообще оказались под начальственной рукой, когда начальство искало подходящего руководителя? Откуда это начальство взяло, что вы хотите занять эту должность? Почему, в конце концов, вам эта работа нравится? Почему вы не инженер, не ученый, не рабочий, не журналист, короче говоря, не отдельный работник, а менеджер? Заметьте, стремительно поднимающийся вверх менеджер. Менеджер, начинавший совсем не как начальник. Менеджер, обгоняющий своих коллег. Менеджер, проделавший очень впечатляющий путь за последние пять лет. Так что же гонит вас наверх? Подумайте. Подумайте.

Он обвел взглядом лица и требовательно повторил:

- Подумайте.

Над залом повисло молчание.

- Давайте сделаем так, — произнес минуту спустя Кларк. — Вы сейчас еще немного поразмыслите над этими вопросами. А затем

возьмете вторую копию — вы же знаете, в каждой папке она есть — и еще раз запишите ответы. Только в этот раз попытайтесь отразить самую суть. И постарайтесь ограничиться всего несколькими словами. А на второй вопрос лучше ответить вообще одним словом. Выделите самое главное. Самое основное. То, что прельщает вас в работе руководителя. То, что ведет вас наверх. То, чего вы действительно хотите добиться. То, для чего вы стремитесь выше и выше. Подумайте, чем вы отличаетесь от президента вашей компании. И в чем вы похожи на этого человека. И запишите. А самое главное — будьте откровенны!

Майкл задумчиво повертел в руках ручку. Становилось интереснее. Чуть-чуть интереснее. Понятно, к чему они ведут, но не ясно, во что именно это выльется. Одно слово... Одно слово...

Эд, молча улыбаясь, собрал бумаги. Кларк принял у него стопку, медленно перетасовал ее, словно гигантскую колоду и, усиливая сходство с карточной игрой, переложил один лист из середины вниз. Затем снова оглядел зал.

- Приступим. На этот раз я буду зачитывать оба ответа. Вопрос первый: «Почему я получил»... Ну, вы знаете. Вопрос второй: «Чего я хочу больше всего, когда думаю о дальнейшей карьере?» А теперь ответы. Итак, почему. «Потому что хочу руководить». Чего хочу. «Расширить сферу влияния»... Чувствуете разницу? Идем дальше. Почему. «Потому что преуспеть можно только на верху». Чего хочу. «Попасть на самый верх»... Почему. «Потому что на этом месте я полезен»... — Стелла тонко улыбнулась. — Чего хочу. «Продолжать

расти, принося пользу компании»... Почему. «Потому что хочу быть главным». Чего хочу. «Контроля»... Отлично, спасибо тому, кто все-таки нашел одно слово. Почему на этом месте. «Потому что я всегда хотела быть лидером». Чего хочу. «Быть им и дальше»... — Джоан и Стелла переглянулись. — Почему. «Потому что я умен»...

Кларк поднял голову под звук нескольких коротких смешков., и тут же продолжил:

- Чего хочу. «В нужное время оказаться в нужном месте»... Хорошо сказано. Почему. «Потому что начальству платят больше». Чего хочу. «Чтобы меня часто повышали, чего же еще?»... Так и написано: «Чего же еще?» Кто-то никак не может обойтись без вопросов. Почему на месте. «Потому что мне нравится контролировать ход событий». Чего хочу, когда думаю о карьере. «Хочу иметь эту самую карьеру»... Почему. «Потому что я — хороший организатор». Чего хочу. «Продвигаться, не становясь карьеристом»...

Четкие слова мерно падали в зал.

- Почему. «Потому что люблю свое дело и не хочу, чтобы всякие болваны говорили мне, как его делать». Чего хочу. «Чтоб меня как можно реже посылали на все эти курсы»... — Снова прошелестел смех. — Почему. «Не терплю бессилия». Чего хочу. «Власти».

Кларк обвел взглядом неожиданно притихший зал.

- Вот, — сказал он, подняв перед собой последний лист. — Вот почему вы все тут. И вот об этом наш курс.

- Так все-таки у кого так много идиотов? — весело спросил Крис, разделывая курицу. — А то тему мы как-то быстро замяли.

- Ладно тебе, — добродушно сказал Алекс. — Не хочет человек говорить...

- А может, ты сам и написал? — Стелла посмотрела на Криса.

Они уже все были на «ты». Поначалу над столом раздавалось вежливое выканье, но к концу обеда оно как-то незаметно испарилось. Вместо него пришла легкость, ирония и даже дружеское подтрунивание. Сознание собственной значительности уравнивало всех. Только к Брендону продолжали обращаться на «вы» — он казался старше остальных, и его немного суровое лицо не способствовало фамиллярности.

- Нет, не я, — вздохнул Крис. — Хотя у меня их, конечно, тоже хватает.

- А у кого их нет? Без них никак, — улыбаясь своей милой улыбкой, сказал Росс.

Крис поднял палец.

- Вопрос, у кого их больше, чем требуется для здоровой организации?

- Для здоровой организации их требуется круглый ноль.

- Не скажи... А кто будет тогда создавать внутренние трудности? Люди расслабляться начнут.

- Да зачем внутренние? Внешних, что ли, не хватает?

- Вот у кого-то же не хватило. Зачем они их иначе всех нанимали?

- Хорошо, хорошо, - раздался голос Пола. - Это я написал. Довольны? Серьезная тут анонимность, ничего не скажешь.

- Ах, вот как? — на щеках Джоан появились очаровательные ямочки. — Теперь нам только осталось узнать название твоей компании. Представляете себе реакцию биржи? «Согласно заявлению высокопоставленного внутреннего источника, подавляющее число работников компании такой-то являются клиническими идиотами»...

- Они не клинические, — вздохнул Пол. — В этом вся проблема.

- Ну что вы напали на человека, — миролюбиво сказал Брендон. — Всякое бывает. Дайте ему хоть неделю отдохнуть.

- Вы, наверное, плохо слушали, — возразила Джоан. — Мы сюда приехали не отдыхать, а работать. Мы же из тех, кто никогда не отдыхает. Мы — материал, так он сказал?

Брендон неторопливо потянулся к блюду с фруктами.

- Работа работе рознь. И кстати, почему меня единственного все называют на «вы»? Что я вам, дед?

Алан краем уха слушал этот разговор. Обычно он четко придерживался золотого правила: в ходе любой беседы с любым человеком, который может когда-нибудь пригодиться, надо производить хорошее впечатление. «Правило очарования», как он называл этот нехитрый постулат для себя. Были еще и другие правила. Правило молчуна: не говорить слишком много. Правило болтуна: не говорить слишком мало. Правило глупого обещания: не обещать то, что заведомо невозможно исполнить. Правило надежности: пообещать — значит сделать. Правило открытого глаза:

не упускать ни единой возможности. И много других – всего тридцать шесть. Все это он придумал еще в школе, кое-что вместе с Тимом и Ларри, кое-что сам. И хотя с тех прошел не один год, правила эти всегда были при нем, словно надежный испытанный боевой арсенал. Он подсмеивался над собой, не раз уже думал, что формулировки звучат по-детски, но продолжал использовать их каждый день. И считал, что своим успехом не в последнюю очередь обязан этому внутреннему своду законов и неукоснительному его соблюдению.

Но сейчас правило очарования терпело поражение в борьбе с совершенно неуправляемыми мыслями. Слишком уж сокрушительную информацию вывалил на него этот благообразный человек сегодняшним утром. Это было восхитительно, это было как сладкий томящий сон, как внезапно сбывшаяся ослепительная мечта. Это было лучше всего того, что он воображал, направляясь сюда. Слова, произнесенные Кларком во время утреннего занятия, расцветали в воображении, словно тропические деревья, блистая невиданными цветами. Алан, конечно, знал, что когда-нибудь к нему придет успех. Настоящий, серьезный успех. Но никак, никак не ожидал он, что успех этот придет так скоро и будет настолько опьяняющим.

«Вы – тот материал, из которого растут властелины корпораций. Вы – те, кто через некоторое время сменяют нынешних воротил делового мира. Вы – те, кто в какой-то момент будут определять, куда идет глобальная экономика. Не выпускники престижных колледжей,

не наследники аристократических семей, не ваши нынешние начальники, а именно вы — те, кто одержим стремлением к власти, — рано или поздно будете управлять работой многих тысяч людей. Это то, что отличает вас от тысяч других, то, что не дает вам стоять на месте, то, что влечет вас вперед. Вы можете любить или не любить свое дело, можете быть отличными или посредственными специалистами, можете осознавать или не осознавать, почему вам хочется наверх. Но в вас есть именно то, что рано или поздно поднимет вас туда, куда доходят лишь немногие...»

Алан задумчиво очистил банан. Все-таки они знают, на какие кнопки нажимать, чтобы пробудить интерес даже у самых больших циников. Все эти люди вокруг могут сколько угодно посмеиваться и демонстрировать, что на них это не подействовало, но на самом-то деле их ведь тоже зацепило. Еще как зацепило. Джоан вон сейчас веселится, а ведь в конференц-зале сидела, как замороженная, и все слушала, слушала... Правило маски: не демонстрируй свои мысли без необходимости.

«Каждый из вас был отобран по прямому указанию главы компании. Вы уже, наверное, догадались, почему они принимают такое непосредственное участие в этом процессе. Это просто. Они знают, что вы — их смена. Они знают, что вы — те, кто через десять лет будет принимать решения, которые повлияют на всю компанию. Они знают, что руководить международным конгломератом невозможно, не имея правильных людей на ключевых должностях. И

они знают, что эти люди — вы. На вас делают ставки. Большие, капитальные ставки».

Вокруг шутили, смеялись, жестикулировали, просили передать яблоко. Вокруг было весело. Но каждый наверняка думал о том же. Не могли же они не думать об этом. Такие слова невозможно проигнорировать.

«Но сейчас вы еще не готовы. Сейчас вы находитесь в самом начале пути. Сегодня вы не более чем талантливые дети, из которых может получиться что-то действительно стоящее. А может и не получиться. Ни одному из вас сейчас еще нельзя доверить ответственность, о которой идет речь. А все потому, что сейчас вы — менеджеры. (Здесь Кларк сделал паузу. Похоже, он прекрасно знал, когда нужно делать паузы и как долго они должны длиться.) Отличные, превосходные, умелые — но всего лишь менеджеры. Наемные работники, которым платят за то, что они направляют работу других наемных работников в соответствии с заданным курсом. И не более того. А для того чтобы стать одним из них... преуспевающим одним из них этого недостаточно. Для этого надо быть лидером. Человеком, за которым идут. Причем неважно куда. И послали вас сюда для того, чтобы мы помогли вам стать лидерами. Потому что, не став лидером, ни один из вас не сможет взлететь действительно высоко. В этом и состоит наша специализация — превращать менеджеров в лидеров. Это то, что мы умеем, то, мы что знаем, и то, что делаем уже много лет».

Майкл искоса взглянул на Алана. Да, призадумался херувимчик. Выпадает из беседы. Ему все эти речи о власти и избранности, видимо,

как мед. Впрочем, речи действительно производят определенное впечатление. Над ними, очевидно, трудились не один год. И, наверное, не один человек. Над всем этим трудился не один человек. Не один умный человек, причем. И над речами, и над вопросами, и над рекламной стратегией, и над установлением связей с главами корпораций. Сверхсекретный курс, о котором знают только сильные мира всего... Добро пожаловать во внутренний круг избранных. Вот неподалеку сидит ваш президент, вот тот самый человек, о котором вчера трезвонили все газеты, а вон там прогуливается... да, да, вы не ошиблись, именно министр финансов.

Попахивает дешевой теорией мирового заговора. Особенно если предположить, что домик этот — не единственный, а скорее всего, так и есть. И над домиком тоже, кстати, поработали неплохо. Виден почерк профессионала. Обстановка как раз подходящая и природа вокруг — прямо мечта пейзажиста. Один вид из этого во всю стену окна чего стоит. Кушайте, дорогие, и ощущайте себя будущими хозяевами мира. Властелинами корпораций. Что, еще не властелины? Так их из вас сейчас сделаем. Что-то тут не так. Перегибают они палку. Самую малость, но перегибают. Причем намеренно. Пытаются ослепить, заморозить... А вот зачем — это вопрос. Ладно, завтра увидим, в чем состоит практическая часть. Сеансы массового гипноза? Или это будет включено в послеобеденную теорию?

Однако сеансов массового гипноза после обеда не последовало.

- Давайте поговорим об интересах, — предложил Кларк, снова утверждаясь на краю стола. — Об интересах личных и общественных, а также о том, как они совмещаются.

- А также о королях и капусте, — вполголоса добавил Пол.

- Можно и о них, — согласился Кларк. — Разговор о королях непременно сведется к тому же вопросу. А вопрос состоит вот в чем: где проходит граница между тем, что вы делаете для себя, и тем, что вы делаете для вашей компании? У кого-нибудь есть готовый ответ?

Готовый ответ нашелся у Кевина.

- По-моему, тут все ясно, — бойко сказал он.

Кларк одобритительно кивнул.

- Для компании мы делаем все, что относится к бизнесу. Все остальное — для себя самих.

- Не могли бы вы уточнить?

- Уточнить... — Кевин задумался. — Скажем, мне надо достигнуть определенных результатов к такому-то числу. Все, что я делаю для того, чтобы это произошло, я делаю для компании. Мне ведь, между нами говоря, не так уж важно, будут ли достигнуты эти результаты в срок, да и будут ли они достигнуты вообще. А вот если я хочу, чтобы в моем кабинете стояло удобное кресло, и прошу секретаршу об этом позаботиться — это уже только для меня. Компании это безразлично.

- Спасибо, — вежливо поблагодарил Кларк. — Весьма интересная точка зрения. Кто-нибудь еще?

- Это все, разумеется, не так просто, — смотря на него своим открытым взглядом, сказал Крис. — Вот подумай сам, — он

повернулся к Кевину. — Разве тебе так уж наплевать на твои проекты? Так, конечно, думают те, кем мы руководим, да и то не все. А для нас это уже вовсе не такое черно-белое. Правда ведь? — он блеснул уже привычной белозубой улыбкой.

Кевин повел плечом.

- Не уверен. Объясни.

- Пожалуйста. Ты ведь почему должен что-то закончить в срок? Потому что тебе так сказали. А почему тебе так сказали? Потому что компании это выгодно. Это же основы... А раз ей это выгодно, значит, она сделает больше денег. Верно?

Кевин кивнул.

- А раз у компании больше денег, больше достанется и тебе. Особенно если у тебя есть акции. Так что не все так прямолинейно. Нет четкой линии. Я думаю, — Крис поджал губы, — тут примерно пятьдесят на пятьдесят выходит.

- Хороший подход, — сказал Кларк, видя, что Кевин молчит. — Проценты... Хороший подход. Будут еще какие-то мнения? Нет? Тогда давайте поработаем в парах.

Пол громко вздохнул.

- Постарайтесь, пожалуйста, вспомнить ситуацию, когда кто-то из ваших коллег делал что-то якобы для блага компании, а на самом деле заботился только о себе. О, сколько улыбок. Похоже, каждому из вас есть что вспомнить. Вот и замечательно. Вспомните все детали этого инцидента. Затем опишите его вашему соседу справа. А сосед в свою очередь пусть расскажет вам о каком-нибудь случае, когда он сделал

что-то на благо компании и без малейшей выгоды для себя. Если, прослушав рассказ, вы будете не согласны с той оценкой ситуации, которую предлагает рассказчик, выскажите, пожалуйста, свое мнение. На все упражнение у нас есть пятнадцать минут. Пол, вы, кажется, остались без пары? Ничего, не расстраивайтесь, я составлю вам компанию.

- Хочешь быть первым? – спросила Джоан.
- Давай, - согласился Алекс.

А может он вовсе и не глуп, подумала она, глядя на него. Вблизи лицо у него достаточно умное. Хотя до Криса ему далеко. Вот уж кто не нуждается в наставлениях для того, чтобы стать полноценным лидером. У него это лидерство в крови, на лице написано. Жаль, что работать надо с соседом справа, а не с соседом слева. И все же это значительно лучше, чем если бы слева оказался этот Кевин. Тот еще зануда...

Роберт вошел в бар и остановился в дверях, привыкая к приглушенному свету. Бар производил приятное впечатление. Все в лучших традициях: тонущее в полумраке уютное помещение, темные стены, сверкающие шеренги бутылок за стойкой, островки света над столиками, удобные плетеные стулья. И все настоящее, отнюдь не подделка под дерево и старину. Компания в полном составе уже сидела за несколькими сдвинутыми столами. Судя по долетающим звукам, атмосфера там установилась самая, что ни есть, раскрепощенная.

- Алекс! — взлетал полный притворного возмущения голос Джоан.
- Как можно рассказывать такие анекдоты при дамах?!
- После того, что пять минут назад выдала Стелла, нам можно рассказывать и не такое, — без тени смущения ответил ей молодцеватый бас Алекса.
- Верно, верно, — поддерживал Алан, — я до сих пор краснею.
- Роберт улыбнулся и пошел к стойке.
- Кто бы говорил, — сказал ему вдогонку саркастический голос Стеллы.
- Что сделать? — бармен сочетал в себе профессиональную уверенность с небарменовской обходительностью. — Сегодня много заказывают мартини. Напиток вечера.
- Черный русский. Льда совсем немного...
- Бармен уважительно кивнул и потянулся к высокой прозрачной бутылке.
- Много у вас сейчас людей? — спросил Роберт, глядя на хрустальную струю водки.
- Четырнадцать, — отозвался бармен.
- Мало едут? На вид можно больше вместить.
- Вместить-то можно. Только для вас снимают нас на корню.
- Он наклонил над бокалом шоколадную бутылку ликера.
- Часто так? — поинтересовался Роберт.
- Это-то? Пока третий раз. Как по мне, могли бы и чаще.
- Что, работать легко?

- Легче некуда — мы-то тут только в первый день. А потом всю неделю гуляешь, а деньги идут. Только повару с официантами наезжать приходится. И то говорят, в прошлый раз два дня ездили, а потом — от ворот поворот.

Бармен явно стремился поделиться информацией.

- Интересно... Так полностью оплачивают?

- До последней копейки. Бумажку только какую-то подмахнуть заставляют.

- Ну, счастливо погулять.

- За этим не станется. Бывай.

Роберт принял прохладный бокал, еще раз оглядел бар и после короткого размышления направился в дальний угол — туда, где под мягким светом лампы располагался Кларк в компании Эда. Эд держал в руке раскрытую папку с бумагами и, подавшись вперед, что-то говорил Кларку. Тот слушал его, поглядывая на шумевшую компанию, и время от времени негромко отвечал.

- Вы позволите?

- Присоединяйтесь, — Кларк радушно указал на свободный стул.

Эд кивнул и, улыбаясь Роберту, мягким движением закрыл папку.

- Скучно, — сказал Роберт, опускаясь на стул.

- Скучно? — с вопросительной интонацией повторил Кларк.

- Ярко, но скучно. И шумно. Отдает Шекспиром.

Эд удивленно взглянул на Кларка.

- Предполагаю, что наш гость имеет в виду «Много шума из ничего», — пояснил тот.

- Именно, — Роберт медленно отпил из бокала. — Ничего, что я так, с претензиями?

- Что вы, — улыбнулся Кларк. — Это называется «конструктивная критика со стороны клиента».

- Тогда слушайте клиента. Клиент разочарован. Что вы нам дали за этот день? Подборку информации, которую можно почерпнуть из двух-трех книг по психологии. Кое-что из теории менеджмента. Рассказали несколько занимательных исторических анекдотов. Это было, кстати, самой ценной информацией, особенно история о Моргане. Но кроме этого ничего стоящего я не услышал. Все оставшееся время вы только и делали, что пели нам дифирамбы и с непонятной целью пытались эпатировать якобы откровенными высказываниями.

- Почему якобы? — поинтересовался Кларк.

- Потому что ничего эпатирующего в этом не было. Что вы, собственно говоря, мне сообщили? Что я предпочитаю контролировать события и хочу преуспеть? Как вы понимаете, я это знал и сам. Что мое начальство меня ценит и делает на меня ставку? Приятно слышать, но до откровения не дотягивает. Что я всегда работаю на себя, а не на компанию? Тоже не новость, хотя вам зачем-то понадобилось заставлять нас открыто это признать. Или что чем выше начальство, тем больше оно дерется за власть? Так даже с этим открытием вы опоздали лет на семь-восемь. Я ведь не первый день в начальниках - как дела делаются, вполне понимаю. Так в чем же соль?

Или вся ценность должна была состоять в том, что такое обычно не говорят на подобных курсах?

- Почему бы и нет? — спокойно спросил Кларк.

- Хотя бы потому, что есть много вещей, о которых не говорят и о которых все, тем не менее, знают. И оттого, что они произнесены вслух, ничего не меняется. Этого хорошо для телевизионных шоу, но причем здесь менеджмент?

- Некоторые вещи не обсуждают в телевизионных шоу. И могу поспорить, что большинству из вас никто никогда ничего подобного не говорил.

- Правильно, — согласился Роберт. — Ну и что с того? Давайте, я вам скажу, что вы хотели бы переспать с ней, — он небрежным кивком указал на хохочущую Джоан. — Это ведь правда. И никто никогда не говорил ее вам в лицо. Чем же она вам помогла?

Кларк улыбнулся, глядя в сторону Джоан.

- Предположим, вы правы. Хотя у меня может и не быть подобного желания. У вас недостаточно информации.

- Хорошо, вы, может, и не хотите, но Эд точно хочет. Я же видел... Правда, Эд?

Эд неопределенно крякнул, растягивая губы в смущенную улыбку.

Ему было явно не по себе.

- Видите? — Роберт сделал еще глоток. — Правда в глаза. А толку-то?

- Ваш пример любопытен, но неубедителен. С таким же успехом можно говорить о некоторых физиологических потребностях.

- Или о жажде власти.

- Или о жажде власти. Но что именно вы ожидали? Откровения?
Это ведь деловой курс, а не семинар по новейшему спиритуализму.

- Простите, — возразил Роберт, — если бы это был не более чем деловой курс, я бы ничего особенного и не ожидал. Более того, я бы считал сегодняшние занятия весьма интересными. Но вы-то претендуете на большее. И пока что этого большего я не вижу. При этом теория сегодня закончилась.

- Вы, похоже, любите Шекспира? — неожиданно спросил Кларк.

- Не особо. Скорее знаю.

- Но представление о драме вы имеете?

- Некоторое.

- Так вот, для того чтобы сыграть хорошую драму, всегда надо подготовить сцену.

Кларк умолк, доброжелательно глядя на Роберта.

- Значит вы — постановщик?

- В некотором роде. Но только в очень некотором.

- И завтра начнется драма?

- Завтра начнется практическая часть.

- Хорошо, — Роберт поднялся, — было приятно с вами побеседовать. Вы, конечно, понимаете, что опять делаете то же самое?

Кларк вопросительно поднял брови.

- А именно?

- Претендуете на большее.

- Это часть моей работы, — ответил Кларк, вежливо улыбаясь.

- А он ей и говорит: «Только для вас». И с этой фразой падает, — закончил Крис под взрыв смеха.

- Что только ни говорят под мухой, — сказал Брендон, когда хохот утих. — Особенно если пьют раз в пять лет. Я когда работал во Франции, у нас был один парень, спиртного в рот не брал вообще. А потом вечеринка как-то раз была, и дамочка одна вокруг него увивалась; в общем, понесло его, да так, что затормозить вовремя не успел. Так вот, такого я ни до, ни после — вообще никогда не слышал. Сначала он принялся утверждать, что лицо это — не его. Пощупать предлагал. Мы стали смеяться — он сердится. А когда спрашивать стали, о чем это он, вообще выдал, что лицо ему лет десять назад переделали, а потом в каком-то закрытом институте он три года занимался... угадайте чем? Бессмертного человека выводил. И главное, нес он это все так серьезно-серьезно. А утром ничего не помнил. Вообще ничего.

- Бывает, — сказал Алекс. — Особенно если определенные фильмы часто смотреть.

- Что пили-то? — поинтересовался Пол.

- А я что, помню? — пожал плечами Брендон. — Я как раз после этого рассказа сам отключился. Мальчишка был еще, только после колледжа.

- К вопросу о пьянстве, — объявил Алан, — кто будет еще мартини?

- Неси, — весело отозвалась Джоан, — мартини хорош. Роб, что ты там один бродишь? Иди к нам. Мы обсуждаем вред пьянства и запиваем мартини.

- Теория и практика, — сказал Роберт, подходя к столу.

- Вот именно! — провозгласил Алан. — Все, как днем!

Роберт опустился в кресло.

- О теории и практике есть любопытный анекдот. Встречаются как-то адвокат и врач...

Что, уже утро? Нет, еще темно. Совсем темно. Который час? Вечно в гостиницах любят радовать постояльцев часами с красными цифрами. А эти еще и светят, словно прожектор. Половина третьего? Странно... Еще спать и спать. Что же это было? Какой-то звук? Нет, не было никакого звука. Отчего я тогда проснулся? Тихо... Нет, вот где-то капает вода. Редко-редко. Кап... кап... Дорогое вроде бы место, где здесь может капать вода? И небо вечером было чистое. Почему же все-таки не спится? Как тогда, в Пекине. Когда это было? Три, нет, уже четыре месяца назад. Никогда с переходом на другое время сложностей не было, а тут вдруг сработало по полной. Просыпаешься себе в четыре утра и заснуть уже никак не можешь. И главное — спать-то хочется, хочется невероятно, а вот не можешь, и все. Что-то внутри ехидно напоминает тебе, что ты — не более чем надстройка над сложнейшим механизмом, который отнюдь не видит в тебе хозяина. В лучшем случае ты с этим «чем-то» можешь полюбовно договориться. А не повезет — тогда лежи и наслаждайся видом потолка. Вот такое было любопытное откровение в Пекине.

Было, впрочем, еще одно. Ворота Тяньаньмэнь. Врата Небесного Спокойствия... Проходишь средней вежливости досмотр, поднимаешься по крутой лестнице, стиснутой красными стенами, оказываешься на верхней веранде. И здесь перед тобой распахивается во всю свою ширь эта ненормальных размеров площадь. Тысячи людей идут по ней под огромными развевающимися на холодном пекинском ветру красными флагами. Тысячи – и все же не занимающие и одну десятую этого необъятного дремлющего пространства.

И все о чем ты думаешь, все, о чем можешь думать, это вовсе не о том, что площадь эта – самая большая в мире. И не о том, что стоишь ты в месте, долгие годы почитаемое за центр Поднебесной Империи. И даже не о том, что здесь творилось в одна тысяча девятьсот восемьдесят девятом году от рождения человека, до которого большинству людей в этом городе нет никакого дела. А думаешь ты о том, как в середине прошлого века ничем не примечательный начинающий лысеть человек стоял здесь на этом самом месте и выкрикивал слова в бушующее море толпы, запрудившей эту площадь. И толпа эта, слившаяся в едином грозном порыве, отзывалась радостным гулом каждый раз, когда он делал паузу. Они были готовы идти за ним, куда бы он ни позвал, они были готовы исполнить любое его приказание, они были готовы созидать или разрушать – ему стоило лишь пожелать этого. И он знал это и, подобно скульптору, лепил из податливой глины людских душ то, что хотел слепить.

Он стоял на этой площадке, в окружении свиты и все же один – такие как он всегда рано или поздно оказываются в одиночестве, – и никому не ведомо, что он думал в тот момент, описанный нынче в бесчисленных

книгах и статьях. Не было еще огромных зданий по сторонам площади – он велел воздвигнуть их позже. Не было еще серой громады монумента в центре – прошел не один год, прежде чем он решил, что там ему самое место. И не было еще окруженной деревьями монументальной гробницы на дальнем конце Тяньаньмэнь – в нее он лег, словно фараон в пирамиду, почти тридцать лет спустя. А были только люди. Которые своей верой сделали его тем, кем он в конце концов стал. Он хотел править, а они хотели, чтобы ими правили. Они всегда хотят, чтобы ими правили.

И вот ты стоишь на этом месте, ощущая под ногами тот же пропитанный историей настил, смотря на ту же площадь, слыша вокруг тот же язык. Ты пытаешься представить себе, о чем он думал в тот момент, к которому шел долгие годы. Ты думаешь, думаешь, думаешь... И неожиданно приземистые здания, окружающие площадь, и серая ступенчатая колонна монумента, и мавзолей вдруг как будто мягко проваливаются под землю. Исчезают хлопающие на ветру флаги. Растворяются в прозрачном воздухе несущиеся между площадью и воротами машины. И на площади вдруг меняет разноцветную пестроту своего одеяния на однообразные грязно-зеленые оттенки. И этих однообразных, одинаковых, безликих фигурок становится все больше, и больше, и больше... И вот уже вся площадь запружена людьми. Их тысячи, десятки тысяч... И они все смотрят на тебя, ловят каждое твое слово, сжимают в руках твою книгу. И от этой веры, и граничащего с обожанием благоговения, и от тысяч взглядов, сливающихся в один полный восторга взгляд, твоя речь становится еще уверенней. Ты чеканишь слово за словом, и каждое из них летит в толпу, словно камень из пращи.

Лежащий за твоей спиной Запретный город – бастион бастионов, опора опор, древнее сосредоточие императорской мощи вдруг, словно по мановению невидимой руки, обращается в бутафорское скопище красных строений. Век за веком правили из него огромной страной императоры, слепя, словно звезды, даруя жизнь или обрекая на смерть, начиная войны и подавляя восстания. Страшна и божественна была их власть, дарованная Небом. Умирал один император – и тотчас же на его место заступал другой, подхватывая эстафету неумолимой власти... И где же теперь она теперь – эта потомственная мощь династий? Сгнила, обветшала и рассыпалась в прах. Последний император стал посмешищем для всей Азии, марионеткой, которой играли все, кому не лень. Но власть, истинная власть осталась.

Там, где есть люди, есть власть. Там, где есть много людей, есть страшная власть. И хоть она рассыпалась, разлетелась по осколкам империи, она не умерла до конца. Она лишь ждала своего часа, своего человека – того, кто не побоится ее, того, кто будет жить ей, мечтать о ней, идти к ней через все и всех. И ты нашелся и пришел, и за годы лишений, заговоров, сражений, побед и разгромов, союзов и предательств собрал ее по частям. И теперь ты и власть стали неделимы. Твое имя отныне обозначает власть. Твое слово отныне обозначает закон. Ты и есть власть. Потому что истинной властью наделен лишь тот, кто создал ее сам.

- Хорошо, правда? – спросила Стелла, глядя на озеро.

Майкл кивнул. Они разговаривали на веранде – точно на том же месте, где он стоял вчера, ожидая начала занятий. И воздух был точно такой же, как день назад: прозрачный, свежий и наполненный

непривычными городскому носу запахами. И небо было то же – бледно-голубое, безоблачное и очерченное линией гор. Ничего не изменилось. Словно и не промелькнули двадцать четыре часа, в которые вместились и знакомства, и странная «теория», и развеселый вечер.

- Особенно хорошо тем, у кого окна выходят на эту сторону.

- Как раз в этом ничего хорошего нет, – возразила Стелла. – Я сегодня проснулась в шесть утра – кто-то решил, что это самое подходящее время для того, чтобы прокатиться на моторной лодке.

- Это, наверное, Роберт, – сказал Майкл. – Он вчера тоже катался. Они снова замолчали. На этой веранде было хорошо молчать. Но не всем.

- Что вы скажете об этих исторических аналогиях? – как обычно с улыбкой спросил Росс. – Редко такое слышишь. А тем более на курсах. Жрецы, придворные... Никогда об этом не задумывался.

- Хорошие аналогии, – согласился Майкл, стараясь не поморщиться.

Тема была выбрана неудачно. Слова, которыми Кларк закончил вчерашние занятия, действительно мало вязались с понятием «курс менеджмента». И граничили они с бестактностью. Собственно, бестактностью они и были.

«В каждом из вас горит жажда власти. Выйдя из среднего класса, вы не можете удовлетворить эту жажду только за счет положения, полученного при рождении. При этом вы – не гениальные предприниматели, не любители военного дела и не поклонники

криминала. Некоторые осознают в себе эту жажду еще в школе. Другие далеко не сразу. Но когда она осознана, ее всеми силами пытаются удовлетворить. Любая эпоха знала таких людей. Если бы вы жили двести лет назад, вы бы шли в управляющие поместий и фабрик. Пятьсот лет назад вы пытались бы прибиться ко двору ближайшего лорда. А пять тысяч лет назад где-нибудь в Египте вы бы стремились попасть в жрецы. Менеджер — это просто наиболее подходящее для вас место в наше время. Но аппетит всегда приходит во время еды...»

Эти фразы явно предназначались для каждого в отдельности. Для обдумывания, для запоминания, похоже еще для чего-то. Но никак не для общественного пережевывания. Росс этого явно не понимал и горел готовностью провести подробное обсуждение. А вот Стелла, похоже, понимала.

- По-моему, начинают, — сказала она, хотя было еще без пяти девять. — Может, пойдём?

И они вернулись в зал.

- Ну что ж, — сказал Кларк, когда все расселись по местам. — Рад вас всех видеть в полном составе. Сегодня у нас, как вы знаете, начинается практическая часть. Надеюсь, что вы все сделали необходимые звонки.

Вот еще одна странность, — подумал Майкл. — Зачем надо было запрещать сношения с внешним миром? Только, видите ли, входящие звонки и только на гостиничный телефон. А мобильные телефоны, будьте добры, сдайте под расписку. Впрочем, сейчас все станет ясно.

- Расписание у нас будет простое, – Кларк поднялся из-за стола.
– Сейчас я вам объясню задание. После этого отвечу на ваши вопросы. Все это вместе займет примерно час. А затем у вас будет четыре дня на то, чтобы это задание выполнить, и вы уже сами будете определять, каким образом распорядиться своим временем. Задание ваше состоит в следующем. Сегодня у нас, как вы знаете, вторник. К пяти часам пятницы вы все без исключения должны признать одного из вас своим лидером. Для достижения этой цели разрешается использовать любые средства. Если вас не устраивают эти условия, или подобная задача вам неинтересна, вы можете покинуть курс в любой момент.

Он замолчал.

- А дальше? – спросил Пол.

Кларк развел руки.

- Это все.

- Как все?

- Все задание. Больше ничего нет.

- И никаких подробностей? – изумился Пол.

- Пожалуй, никаких.

- А цель?

- Цель я описал еще вчера: помочь вам превратиться из менеджеров в лидеров.

- Странный способ, – сказала Джоан.

Ее лицо выражало недоумение, смешанное с досадой.

- Вы что, не собираетесь за эти четыре дня нас чему-либо учить?

- Мы же не в школе, — улыбнулся Кларк. — Самостоятельный взрослый человек лучше всего учится на опыте. И что бы ни утверждали поговорки, именно на собственном опыте. Вот мы вам и предоставляем возможность получить незаменимый опыт. В соответствии с просьбой вашего начальства.

- То есть вы вообще не собираетесь вмешиваться и давать советы? — спросил Алан.

- Ни в коей мере. Мы будем только наблюдать. Собственно, поэтому нас трое, а не я один. Трое абсолютно нейтральных наблюдателей.

- Абсолютно нейтральные наблюдатели бывают только в классической физике, — с расстановкой сказал Роберт. — Которая, как известно, давно устарела. Вы зачем наблюдать будете?

- Для того, чтобы составить подробный отчет для тех, кто вас сюда направил.

- Ага! — громко сказал Пол, и по всему залу пронесся и так до конца не исчез гомон.

- И что именно будет входить в этот отчет? — поинтересовался Роберт.

- Разумеется, сам результат: признали ли вас остальные лидером или нет. А кроме того, описание ваших действий и оценка вашего потенциала как лидера. Кстати, одну вещь я не упомянул. Если вы уедете сегодня до полудня, отчет о вас мы представлять не будем.

- Подождите, — озадаченно сказал Брендон, — а что если мы все сделаем за час?

- Тогда вы поедете по домам через час и пятнадцать минут.

- А если наоборот? – спросил Кевин. – Если мы вообще не придем к согласию?

- Тогда наши отзывы будут не самыми благоприятными.

Кевин нахмурился.

- То есть, когда мы выберем одного из нас лидером, вы напишите плохие отзывы обо всех остальных?

- Ни в коем случае, – проникновенно отозвался Кларк. – Негативные отзывы последуют только в том случае, если вы не придете к согласию. Это ведь будет обозначать, что среди вас вообще нет истинного лидера. Но коль скоро такой найдется, а я очень надеюсь, что так и произойдет, то ничего плохого об остальных мы писать не станем – ведь вы просто проиграете в честной борьбе. Вы получите возможность научиться кое-чему на своих ошибках, не более того. А отчет будет содержать определенные рекомендации, которые вам помогут в будущем.

- Что-то очень просто получается, – сказал Пол. – Поговорили, выбрали лидера, разъехались по домам. Вы уверены, что больше ничего не будет?

Кларк кивнул.

- Не могли бы вы уточнить, что именно подразумевается под «любыми средствами», - сказал Майкл.

- Именно это, – с веселыми нотками в голосе ответил Кларк. – Любые.

- Спасибо, – поблагодарил Майкл, и откинулся на спинку стула.

- То есть как любые? — недоуменно спросил Росс. — Ну, говорить, писать, это я понимаю. А что еще?

- Физические? — подсказал Алан.

- Именно, — подтвердил Кларк. — Любые средства, включая физические.

Гомон мгновенно стих.

- Это уже не смешно, — сказала в полной тишине Джоан.

- Очень хорошо, — отозвался Кларк. — Потому что это не шутка.

- Вы это серьезно? — спросила Джоан. — Вы ожидаете, что мы будем... — ее красивый рот презрительно искривился, — бить друг друга? А вы, значит, будете наблюдать? Это вам что, бесплатный реслинг?

- Я не говорил, что вы будете бить друг друга, — вежливо ответил Кларк. — Я лишь сказал, что вы абсолютно не ограничены в средствах. Вы только не можете использовать помощь людей, не участвующих в нашем курсе. А про возможность физической расправы сказал, если не ошибаюсь, вот этот молодой человек, — и он указал на Алана.

- Вы на это намекнули, — возмутился тот, видя, что все головы повернулись к нему.

- Простите, но я ни на что не намекал, — возразил Кларк. — Это была ваша интерпретация слова «любые».

- Какая разница, — нарушил молчание Алекс. — Кто-нибудь об этом все равно бы спросил. Не Алан, так другой. Вы лучше скажите, насколько это законно.

Кларк довольно кивнул, словно только и ожидал услышать этот вопрос.

- Настолько, насколько законно соглашение, которое вы подписываете, беря на прокат водный мотоцикл. В бумагах подобного рода всегда написано, что дающая его вам в пользование компания не несет ответственности за ущерб, который вы можете себе причинить — вплоть до смертельного исхода. Я уверен, что вы не раз подписывали такие бумаги. Похожий пункт был включен в соглашение, которое каждый из вас подписал до начала курса. Более того, не только мы, но и каждый из вас не отвечает за ущерб, причиненный другому участнику. Так что с точки зрения закона вы можете сделать друг с другом что угодно, и наша компания не будет нести за это никакой ответственности. Это, разумеется, не лишает вас права подавать на нас в суд, как, впрочем, и на любую другую организацию или личность. Я еще раз хочу подчеркнуть, что вы вправе покинуть курс в любой момент.

- Но ведь это ставит нас в неравные условия, — озабоченно сказал Кевин.

- А разве вы хоть где-нибудь бываете в равных условиях? — лукаво поинтересовался Кларк.

- Где можно получить оружие? — спросил Пол.

Кто-то хихикнул. Кларк оставался невозмутимым.

- Простите, чего нет, того нет. Ни огнестрельного, ни холодного.

- А дубинку? — игриво протянул Алан. — Или...

- Подождите вы с хохмами, — раздраженно прервала его Джоан. — Чушь какая-то невероятная. Это все как-то... — она запнулась в поисках нужного слова, — глупо. Просто глупо, и все. Ну что это, в самом деле, за постановка вопроса: лупите друг друга, а мы тут ни при чем? Как вы вообще можете об этом серьезно говорить? Мы зачем вообще сюда все приехали?

- Послушайте, — терпеливо сказал Кларк, — эту постановку вопроса предложили именно вы, а не я. Почему вас так тревожит этот аспект? Вас тут одиннадцать человек, умных, культурных, цивилизованных менеджеров. Чего вам опасаться? С какой стати кто-то кого-то должен избивать? Я же не разбавляю ваше общество десятком уголовников. Мне вообще очень странно слышать подобные опасения.

- В самом деле, — весело сказал Росс, — что это мы? Мы же менеджеры. Вот если бы мы были боксерами...

- Или адвокатами, — задорно подхватил Крис. — Ну что, будем закругляться с инструкциями?

- Подожди, — поднял ладонь Брендон, — все-таки я кое-что не понимаю. Вот мы сейчас закруглимся. А дальше что? Будем вот так сами по себе сидеть и кричать: «Выбери меня!»? Вы что, не предоставите нам какой-либо процесс, какую-то структуру? Халтурно это как-то выглядит, знаете ли.

- Вы не поняли, — из Кларка струилось безграничное терпение. — Мы уже предоставили вам структуру, просто вы этого пока не заметили. А будете ли вы сидеть и кричать или решите использовать

более действенный метод, это уже зависит только от вас. Если у вас есть задатки истинного лидера, что-нибудь вы непременно придумаете. Еще вопросы имеются? — он оглядел зал. — Нет? Тогда, простите за банальность, но да победит сильнейший.

С этими словами он мигрировал в угол комнаты и комфортабельно расположился за небольшим столом. Эд сел за стол в противоположном углу, а Арден, видимо, решив, что двух наблюдателей достаточно, просто ушел.

С минуту все молчали.

- Ну что, — сказал, наконец, Крис. — Давайте как-то начинать.

- Давайте, — без особой уверенности поддержал Кевин.

Крис одобрительно взглянул на него.

- В первую очередь нам надо определиться с тем, как мы будем выбирать лидера. Нужен процесс, как совершенно правильно заметил Брендон. Без процесса мы далеко не уедем.

- В первую очередь, — сказал Майкл, — нам надо сдвинуть столы. Мы сейчас даже толком не видим друг друга.

Глава третья

Они сидели и смотрели друг на друга. Благо это было несложно: составленные вместе три стола представляли собой подобие стола короля Артура. Только вот короля за столом не было. И в ближайшее время не предвиделось. Впрочем, факт этот никого особо не расстраивал. Еще два часа назад, когда Кларк только обнарудовал

условия, половина из них была озадачена, а другая половина раздосадована. Еще два часа назад Джоан сердито объявляла, что подобные фокусы годятся для старшеклассников, но никак не для взрослых людей, а Брендон угрюмо твердил: «Халтура, халтура...». Еще два часа назад Пол говорил, что с самого начала подозревал, что эта неделя обернется полной потерей времени, но никак не думал, что это будет настолько очевидно для всех. Все это было два часа назад.

А теперь всем было интересно. Потому что за эти два часа вдруг обнаружилось, что им всем есть что сказать. Вначале они — в основном Крис, Алан и Росс — пытались с ходу придумать хороший процесс. «Процесс, — повторял Крис, сверкая глазами, — нам необходим хороший процесс». «Мы можем, — говорил Росс, улыбаясь и оглядывая остальных, — правда, можем?» А Алекс тихо барабанил мощными пальцами по столу и задумчиво поглядывал в сторону Криса. А потом, когда процесс все так и не возникал, а Брендон скептически улыбался, а Пол демонстративно рисовал страшные рожи в своем блокноте, Майкл, который до этого не произнес ни слова, вдруг повернулся к Стелле и спросил:

— А что ты ценишь в лидере?

Он задал свой вопрос негромко, по-видимому, обращаясь только к ней, но почему-то именно в этот момент была микроскопическая пауза, и его услышали все.

— Я? — с некоторым недоумением спросила Стелла. — Что я ценю в лидере?

— Да, — подтвердил Майкл, — ты.

– В каком лидере?

– В том, за которым ты бы пошла.

– Ну, - сказала Стелла, - для начала это должен быть очень сильный лидер, чтобы я за ним сама пошла.

"Не сомневаюсь, - согласился Майкл. – А что еще? Подробности.

Стелла задумалась.

– Подробности... Во-первых, этот человек должен верить в ту цель, к которой он меня собирается вести...

И тут обнаружилось, что слушают их уже все, или почти все, и процесс уже никого почему-то не интересует, и никто уже не пытается его изобрести. И что у всех есть что сказать на эту тему. Росс, правда, сделал слабую попытку вернуть всех к делу, но попытка эта ни к чему не привела и даже вызвала удивленный взгляд со стороны Стеллы, которая к этому времени уже объясняла, что значит «верить в цель». А еще через полчаса, когда они уже все перебивали друг друга и бросались фразами типа «вот как раз таким власть давать нельзя», Пол вдруг перестал рисовать свои ухмыляющиеся на один лад рожи и сообщил, что, с его точки зрения, называться лидером может лишь тот, кто умеет не окружать себя идиотами. Сначала все просто расхохотались, но потом с подачи Роберта вдруг выяснилось, что формулировка эта не так уж и проста, и спор закипел еще сильнее. «Позвольте, – горячился Брендон, – иногда одного интервью для меня недостаточно, чтобы понять, насколько человек хорош». «Но ты же можешь отличить идиота от нормального человека?» – интересовалась Стелла. «Конечно, могу». «Так откуда же, черт возьми,

они берутся, да еще в таких количествах?! — громогласно вопрошал Пол. — Значит, кто-то их нанимает? Значит, есть начальнички, которым они нужны? Так вот, такого типа я в жизни не назову лидером. И уж тем более не пойду за ним сам!» «Тише, мальчишки, тише, — утихомиривала их Джоан, — бывает, что и лучший лидер ошибается». «Ни чер-рта! — величественно провозглашал Пол. — Тот, кто делает такие ошибки, уже не лидер. Он сам...» «Идиот...» — подсказал Алекс. «Вот именно!» — и Пол победоносно взглянул на Брендона.

- Я тут кое-что записал, — спокойно сказал Майкл. — Получается интересно. Мы, конечно, сильно спорим, но в главных вещах мы сходимся. Хотите послушать?

- Давай, — рыкнул еще не совсем отошедший от драки Пол.

Джоан укоризненно взглянула на него, и он повторил уже спокойней:

- Давай.

- Может, все запишем на стенде? — предложил Алан. — Еще пригодится.

- Хорошо, — согласился Майкл. — Ты мог бы пойти к доске, если не возражаешь?

Алан помедлил мгновение, однако встал и, подняв палец, звонко объявил:

- Истинный лидер должен быть всегда готов делать любую работу своими руками.

- Некоторую работу лучше делать чужими, — сказал Алекс, и все заулыбались, а Кевин даже хохотнул.

- Во-первых, — сказал Майкл, когда Алан стал у стенда, — мы все сошлись на том, что лидер должен верить в то, к чему он ведет.

Алан с неожиданной готовностью начал писать.

- Подожди, — попросил Крис. — Это, я думаю, во-вторых. А во-первых, лидер должен знать, чего он хочет. Иметь цель.

- Не вижу разницы, — сухо сказал Брендон.

Крис повернулся к нему.

- Что значит, не видишь?

- То и значит. В чем разница между тем, чтобы иметь цель, и тем, чтобы верить в нее? Просто слова.

- Правильно, — на лице Криса возникла тонкая улыбка, — разницы нет. Только я говорил совсем не об этом.

- А именно?

- Именно: любой менеджер ведет людей к чему-то. Ты, я, мы все. Нам за это деньги платят. За то, чтобы остальных водить. А вот цель имеет только лидер. Свою цель.

- И иногда это совсем не та цель, к которой он якобы ведет? — полувопросительно сказала Джоан. — Этого я уже не говорила?

- Этого я уже не говорила.

- Ты это подразумевала, — ухмыльнулся Алан. — Но мы тебя хорошо поняли.

И он вывел четким почерком на листе: «Лидер всегда имеет свою цель». Майкл одобрительно кивнул.

- Продолжаем. Лидер должен вызывать уважение.
- Лучше страх, — веско сказал Алекс.

Майкл вопросительно взглянул на него.

- Уважение легко проходит. Страх — нет, — пояснил Алекс.
- Вы тут сейчас неизвестно до чего договоритесь, — снова недовольно сказала Джоан. — Какой еще страх?

- Обычный, — отозвался Алекс. — Физиологический. От которого дрожат коленки, и выделяется пот.

- За таким лидером далеко не пойдут, — сказал Росс. — И вообще не пойдут.

Алекс лишь улыбнулся. Доброжелательная улыбка на его массивном лице смотрелась в этот раз почему-то неприветливо.

- За Чингизханом ходили, — неожиданно сообщила Стелла. — А его, по-моему, менеджером никто не назначал.

- Все. Приехали, — сказал, поднимаясь, Брендон. — Чингиз-хан. Тамерлан. А также Наполеон, Цезарь, Сталин и Мао Цзе Дун. Вы что, сюда историю изучать съехались? При чем тут чингизханы?

- При том, — сладко проговорила Стелла, — что говорим мы о лидерах. Как же не упомянуть лучших из лучших?

Брендон хмыкнул.

- Не вижу, каким образом я могу применять их методы. Специфика у меня другая.

- А-а... — качнула пальцем Стелла. — Другая, если ты хочешь оставаться менеджером. А если хочешь быть лидером, то именно та. Масштабы другие, что да, то да.

- При чем тут масштабы? — Брендон начал медленно закипать. — Я в диктаторы не лезу. Я руковожу работой группы. Вот такая у меня специфика. Руководить. А не страны завоевывать да на троне сидеть.

- Так и они руководили. Только людей у них было побольше.

- Что с того? Какая разница, сколько у них было людей? Бывает, конечно, что начальник — тиран, но тиран начальником быть не может. Да вообще о чем тут говорить? Они же другим делом занимались. Понимаешь? Другим.

- Так и мы, вроде, все занимаемся разными делами, — улыбнулась Стелла. — Компании, конечно, называть нельзя, но я, например, в фармацевтической области. Кто-то еще занимается подобными вещами? Нет? Алан, может, ты? Тоже нет? Вот видишь, Брендон, дела у нас у всех разные. А учимся мы тут почему-то одному и тому же.

- Пока что мы ничему не учимся, — откуда-то сбоку кисло сообщил Пол. — Хотя говорите вы интересно. Вы продолжайте, продолжайте... Эд вон уже пол-тетради исписал.

Все повернулись к Эду, который сначала одарив их улыбкой, начал отчаянно жестикулировать, мол, нет тут меня, не обращайтесь внимания, сижу себе, пишу себе...

- Ладно, — сказал Алан, — давайте просто напишем так...

И на листе появилось: «Лидер всегда вызывает сильные чувства».

- Например, стойкое отвращение, — радостно прокомментировала Стелла. — Боишься написать «страх»?

- Ничего я не боюсь, — передернул плечом Алан. — Под это определение просто все подходит.

- А нам все не нужно, — проникновенно произнес молчавший до этого Крис. — Нам подробности нужны.
- Ну и что ты можешь предложить? — поинтересовался Алан, по-видимому, нисколько не обижаясь на то, что его вариант так быстро забраковали.
- Например, так: «Лидер всегда вызывает уважение, страх или любовь».
- Неплохо, — сказала Стелла. — Совсем неплохо. Это уже ближе к делу.
- Уважение, переходящее в любовь? — предположил Росс.
- А может, пойдём пообедаем? — спросил в воздух Пол. — А то меня тут вместо страха и уважения пока что голод возник.

И они пообедали. Правда, не сразу — оказалось, что обед подадут только через полчаса. Но они хорошо использовали это время, и на листе появилось еще две строчки. Очень интересные, неожиданные строчки, которые на первый взгляд мало вязались со словом «менеджер». Да и на второй взгляд тоже. И чем дольше они спорили, и кидались словами, и искали определения, тем явственнее вставали перед ними призраки прошлого — тени властителей и бушующие волны идущих за ними людей. И все властители как на подбор сами вырастали из этих волн, поднимались с самого дна, медленно набирали силу и вставали грозными монументами для того, чтобы навсегда остаться в истории. Вышедшие из низов, не имеющие власти от рождения, ищущие ее, жаждущие ее... И Брендон уже не говорил о

специфике, а лишь шагал вдоль стола и только щипал ус, когда Стелла, Крис или Алан приводили очередной пример. «Вот это был лидер, — сжимая кулак, говорил Крис, — из ничего, из никого, пыль, грязь, а ведь за ним вся страна пошла. А уж цели у него были будь здоров». «Причем, свои», — добавлял Алан, поглядывая на Джоан. «Вот именно, свои», — соглашался Крис. А Майкл сидел, откинувшись на спинку стула, и лишь изредка вставлял замечания да смотрел на говоривших своими темными немного ироническими глазами.

За обедом по предложению Криса говорили обо всем за исключением темы курса. «Иначе, — сказал он, — мы тут вообще не отдохнем». Никто не возражал, и грозные тени отодвинулись обратно в прошлое, а потом и вовсе растаяли вдали. Только Брендон, на которого предобеденный разговор, очевидно, произвел сильное впечатление, был не очень общителен. Говорили о Таиландской кухне (Роберт оказался настоящим знатоком, особенно поразив всех рассказом о том, каким способом ему готовили мясо в одной деревушке на границе с Лаосом. «Не может быть!» — громко ахнула Джоан, но Роберт как-то повел головой, и сразу стало ясно: может, и не только может, но и было, и не только было, но и с ним. Говорили о коктейлях и породах собак. Здесь уже познания проявил Алекс и некоторое время они с Кевином обсуждали сравнительные характеристики немецких овчарок и сенбернаров. Потом как-то неожиданно выяснилось, что, несмотря на горячее согласие Кевина с доводами Алекс в пользу овчарок, собаки у него самого нет, и никогда не было, и тема себя исчерпала. Говорили о фильмах и сошлись на

том, что ничего стоящего последние полгода на экраны не выходило, а некоторым актерам давно пора бы удалиться от дел. «И продюсерам», – добавил Алан. «И актрисам!» – бухнул развеселившийся Росс, но Джоан тут же объяснила ему, почему он неправ, и он с подозрительно многочисленными извинениями взял свои слова обратно. Походя коснулись предстоящих выборов, но как только запахло различными политическими взглядами, Крис сразу же попросил сменить тему, и спорщики мгновенно согласились. Вместо политики начали обсуждать недавнее изменение в налоговой системе, и тут уже разногласий не возникло. На налогах и крем-брюле обед завершился.

- Ну что, дальше будем записывать? – оживленно спросил Росс, когда они вернулись в конференц-зал и расселись по своим местам.

- Записывать, мы, конечно, можем, – сказал Роберт. – Только когда мы лидера выбирать начнем?

- А что мы пока делаем? – удивился Росс.

- Записываем, – вежливо ответил Роберт. – Как с утра начали, так до сих пор и пишем.

- Да, действительно, – пробормотал Росс, на глазах теряя энтузиазм.

- Майкл, – сказала Джоан, – это ведь ты затеял, правда? Вот ты и скажи, что дальше.

- Да, – оживился Росс, – как это помогает определить процесс?

Майкл посмотрел на него с любопытством.

- Процесс? Вы, наверное, чего-то не поняли. Процесс пытались определить вы. Ты, Крис. Алан пытался. А мне показалось интересным поговорить о качествах лидеров. Кто же знал, что мы будем об этом полдня беседовать.

- Вот именно, — произнес Крис. — Полдня. А дней у нас всего четыре. Давайте закругляться.

- Давайте, — согласился Майкл.

- По-моему, хорошо поговорили, — сказал Кевин.

- Никто не спорит, — ответил Крис. — И нам это еще, может, даже пригодится. Но пора заняться делом.

- Значит, снова процесс? — спросила Джоан.

Крис кивнул.

- Снова процесс. Без него мы никуда не уедем.

Он вдруг резко поднялся — крепкий, уверенный, с гордым красивым лицом.

- Нравится нам это или нет, но если мы не определимся с процессом, то проиграют все. Они, — он, не глядя, указал в угол, где сидел Кларк, — именно на это и рассчитывали. На то, что мы будем болтать, трепаться о том, о сем, незаметно стараться пролезть в лидеры и побоимся назвать вещи своими именами. Но нам нужен процесс. И нужен он нам не позднее сегодняшнего вечера.

Он требовательно оглядел всех.

- Это и есть наше первое решение. Если мы не определимся с этим прямо сейчас, то можем уже разъезжаться. Понимаете? Пока у нас не будет процесса, мы не сдвинемся с мертвой точки. Итак, все согласны,

что нам надо договориться о правилах, по которым мы выберем лидера?.. Похоже, что все. Алекс?

- Конечно, — кивнул тот.

- Отлично. Все согласны с тем, что нам надо определить эти правила сегодня? Снова все. Возражений нет? Все, теперь мы говорим только об этом и больше ни о чем. А теперь какие у нас есть предложения?

Поначалу предложений оказалось немного. Было предложение Алана всем по очереди рассказать о том, как они руководили бы воображаемой компанией. Предложение было встречено дружным «Хм», одобрительным кивком Майкла и Крисовым «Хорошо, хорошо». Было предложение Джоан рассказать о тех случаях, когда каждому приходилось принимать сложное решение. Было предложение Кевина рассказать, чему каждый из них научился за последний год. Было прозвучавшее несколько странно замечание Роберта о том, что вообще неважно, о чем они будут говорить эти четыре дня, а важно лишь то, как они будут голосовать. Существенной реакции это замечание не вызвало, но слово «голосовать» оказалось ключевым, и спустя пять минут предложения потекли рекой.

Примерно через час выяснилось, что все они, впрочем, так или иначе предлагают одно и то же: определить одно, два или целый набор заданий, выполнить их, а затем путем голосования выявить победителя. «Только за себя голосовать нельзя! Оч-чень важный момент», — настаивал Кевин. Было, впрочем, не совсем понятно, почему этот важный момент его так взволновал, особенно потому, что

никто с ним и не спорил. Так или иначе, но путь постепенно вырисовывался.

Был, правда, еще один способ, предложенный Россом. «А что если голосование мы оставим, а задания упраздним? — поинтересовался он. — Нам же Кларк четко сказал: никаких правил. Пусть каждый сам выберет, на что делать упор. Надо будет выйти и сказать: если я буду вашим лидером, я сделаю то-то и то-то. И привести примеры. Будет совсем как настоящие выборы». «Вот именно, — проворчал Брендон, — совсем как настоящие». И, видя недоумевающий взгляд Росса, пояснил: «Одни рассказывают, что будут делать после выборов, другие за них голосуют». «И?», - спросил Росс, по-прежнему не понимая. «И все отлично знают, что после выборов никто ни черта не сделает». На этом дебаты об альтернативном пути и закончились, не успев толком начаться.

- Ну, хорошо, — сказал, наконец, Крис с видимым удовлетворением. — В целом договорились. Теперь давайте определимся с заданием. Алан, будь другом, запиши. Почерк у тебя уж очень хороший. Я бы сам записал, но поверь, по сравнению с твоим — что курица лапой.

И снова Алан стал у напоминающей мольберт доски, правда, в этот раз он еще больше помедлил перед тем, как подняться. И снова посыпались рекомендации и предложения. Крис широкими шагами мерил зал, ловил каждое слово, добавлял, прояснял, оттачивал, убеждал, спорил. Он говорил со всеми и с каждым в отдельности, он не давал никому отмалчиваться, он рубил воздух широкой ладонью и

лишь иногда задумывался, подыскивая наиболее точную формулировку. Он был явно в ударе, и даже Алан постепенно растерял свое недовольство и откровенно сиял, слыша, как Крис кричит ему: «Отлично! От-лич-но!»

Однако еще час спустя, когда два листа покрылись четко выведенными строчками, всеобщее воодушевление пошло на убыль. Задания, записанные на листе, сами по себе были хороши. Более того, все вместе они, несомненно, представляли собой очень достойный способ оценки менеджеров. Проблема была в другом.

Время, как лаконично выразился Роберт в ответ на риторический вопрос Росса: «Что же тут не так?» Время. Его катастрофически не хватало. Проще говоря, его не было. На выполнение всех этих заданий одному человеку требовалось никак не меньше двух дней. Путем элементарных вычислений это число обращалось в абсолютно неподъемные двадцать два. Попытки выделить одно-два главных задания приводили лишь к плачевным результатам, которые не удовлетворяли никого, не говоря уж о том чтобы удовлетворить всех. Двадцать два дня никак не желали обращаться в четыре. («Какие четыре? Три! Всего три!» – горячилась Джоан.)

Когда сложившаяся ситуация стала окончательно ясна, энтузиазм сошел на нет окончательно. Они были в ловушке, которая поджидала их с самого начала. Только сейчас она стала осязаема. В ловушке было тоскливо и тесно, и ее спертый воздух действовал на настроение самым удручающим образом. Предложения еще изредка взлетали, вяло обсуждались и даже порой так же вяло записывались, но момент

был потерян бесповоротно. Даже Крис приуныл и продолжал играть взятую на себя роль скорее по инерции.

- Бесполезно, — вздохнула, наконец, Стелла. — Мы делаем что-то совсем не так. Так мы просто ничего не добьемся.

- А как добьемся? — несколько враждебно поинтересовался Крис.

- Если бы я знала, — Стелла развела руки. — Ясно только, что подход нужен другой.

- Это всем ясно, — разочаровано сказал Брендон.

И все замолчали, потому что теперь жирная точка была поставлена окончательно. Молчание обволакивало их с минуты. А потом заговорил Майкл. Негромко, но и не тихо, без Крисовой напористости, но при этом твердо и уверенно. Не надо усложнять. Мы ведь давно подошли к решению, просто оно слишком простое для того, чтобы обратить на него внимание. (Фраза эта, несомненно, обратила внимание всех если не на решение, то, по крайней мере, на Майкла.) Все мы можем рассказать, как хорошо мы бы управляли воображаемой компанией. Идея, кстати, очень хорошая. Просто в нашей ситуации она не очень помогает. То же и с предложением провести воображаемое интервью. Или с придумыванием ситуации, в которой пришлось бы проявить выдержку. Хотя, Алан, я уверен, что не каждый из нас хорошо бы справился с таким заданием. Но выбираем-то мы реального человека. Выбираем не за его поведение в гипотетических ситуациях. Не за его фантазию. И не за его актерские способности (согласитесь, воображаемое интервью требует определенных способностей, которые все-таки не очень нужны в

нашей повседневной работе). А выбираем мы его за то, какой он есть. За то, что он извлек из своего прошлого, что представляет собой сейчас и кем хочет быть завтра. За его прошлое, настоящее и будущее.

У нас есть три дня. Вот давайте и посвятим их этим трем составляющим. Завтра будет день прошлого. Каждый из нас сможет рассказать, как он стал тем человеком, которого мы видим в этом зале. Да, Пол, именно: как он дошел до жизни такой. Пусть все расскажут о том, почему они решили стать менеджерами, что их привлекло в этой профессии, с чего они начинали, какие ошибки они делали (между прочим, Джоан, мне очень понравилось твое предложение — все мы совершали ошибки, а тот, кто это отрицает, совершает их регулярно и по сей день). Пусть расскажут о том, чему они научились на своих ошибках, как они смогли применить этот опыт, что другие люди им о них говорили. И к концу завтрашнего дня каждый из нас расскажет о своем прошлом — только то, что он считает нужным, и только так, как ему нравится.

Майкл говорил спокойно, но не монотонно, переводя взгляд с одного лица на другое, порой улыбаясь, порой становясь очень серьезным. Он словно знал, что его не прервут, не попытаются остановить. Одобрительно кивал Брендон, что-то просчитывал в уме Кевин, с непроницаемым лицом сидел Алекс. Крис почему-то смотрел не на Майкла, а попеременно то на Роберта, то на Брендона. Прищурившись и изредка покачивая ногой, слушала Стелла. И из дальнего угла внимательно наблюдал за этим монологом Кларк. А

Майкл говорил, и что бы ни думал про себя каждый из присутствующих, никто не пытался прервать его неторопливую речь.

В четверг мы будем беседовать о настоящем. О том, что представляет собой наша работа (разумеется, без каких-либо деталей). О том, что представляем собой мы как менеджеры. О трудностях, с которыми мы сталкиваемся, и о том, как мы с ними справляемся или не справляемся. О том, что мы любим и что не любим. О тревогах и радостях, о победах и просчетах. О том, за что нас любят или не любят те, кто нам подчиняются. А также те, кому подчиняемся мы. Обо всем том, что, так или иначе, составляет большую часть нашей нынешней жизни.

А в пятницу мы займемся будущим. Чего мы хотим достичь — если, конечно, хотим. Почему. Когда. Каким образом. Где. Что мы собираемся для этого делать завтра. И что мы делали для этого вчера. Что нам может помешать. И что нам может помочь. О том куда, зачем и как мы идем.

Три дня коротких, от получаса до сорока минут, выступлений. В каком-то роде даже исповедей. Или искусной саморекламы — это уж как посмотреть. Очередность, как предлагал Брендон, определяется в начале каждого дня жребием. Можно просто слушать выступающих. Можно записывать. Можно задавать вопросы. Но только в конце выступления — каждый должен иметь возможность сказать все, что он хотел. Смесь жестких рамок и свободы слова. А потом — голосование. По схеме, которую мы обсуждали час назад. Всего два правила. Первое: каждый обязан проголосовать. Второе: голосовать за себя

нельзя. Голосование, разумеется, открытое. И наконец победитель. Один, потому что иначе получиться не может. Все. И Майкл умолк.

- Что же ты раньше молчал-то? — проникновенно поинтересовался Крис после короткой паузы. — Я же спрашивал. Могли час-другой сэкономить.

Майкл улыбнулся.

- Всему свое время.

Крис укоризненно покачал головой.

- Этому предложению время было два часа назад. Ну что, — он снова требовательно оглядел всех, — будут возражения?

- Какие там возражения, — сказал Брендон. — В самую точку попал.

- Молодец, — промурлыкала Джоан. — Просто молодец.

- А что теперь? — поинтересовался Росс после того, как все выразили свою поддержку.

- Понятно что, — немедленно прозвучал голос Криса. — Сейчас уже пятый час. А завтра с утра нам уже речи произносить надо. Самое время разойтись и подумать.

Все начали подниматься.

- Пол, а ты? — спросил Крис.

Пол пририсовал огромный язык к очередной роже, удовлетворенно посмотрел на нее и поднял голову.

- А что я?

- То же что и все: разойтись, подумать...

- Ну, вы расходитесь. А я подумаю.

И он вернулся к рисованию.

- Это талант, — услышала Стелла. — Настоящий талант.

Она оторвала взгляд от блокнота.

- А, Кевин, ты. Какой талант?

- Уметь так потрясающе выглядеть после целого дня работы.

Стелла недовольно качнула головой.

- Лыстец.

- Вовсе нет, — отозвался Кевин, присаживаясь напротив. — Просто говорю, что думаю. Я не помешал?

Стелла махнула рукой.

- Ничуть. Мое прошлое все равно ничем особым не блещет.

- Так уж и не блещет, — Кевин положил ногу на ногу. — Не верю. Не такая ты женщина.

- Звучит двусмысленно. Ты уверен, что это комплимент?

- О... Да я совсем не то имел в виду. Я ведь что хотел сказать...

- Ладно, не переживай. Шутка. Но сказать мне действительно особо нечего. Сам завтра убедишься. По сравнению с тем, что есть порассказать Робу, мое выступление будет очень пресным.

- Да, с Робом в этом тягаться сложно, — согласился Кевин, рассматривая чучело медведя в соседнем углу. — Впрочем, с Майклом тоже.

- А что с Майклом? — заинтересовалась Стелла.

- Как что? — удивился Кевин. — Этот процесс. О, черт... Как же ты можешь знать?

- Какой процесс? И что значит последняя фраза?

- Да, ладно, — Кевин смущенно посмотрел на нее, — трепло я.

Сочтет нужным, расскажет еще раз. Забудь.

Он вдруг резко поднялся и начал одергивать рубашку.

- Извини, ты тут делом занималась. Я пойду.

- Подожди, — Стелла подалась вперед. — Что это за манеры: пришел, сделал комплимент, заинтриговал, а теперь, значит, вспомнил, что я занята?

- Но ты ведь действительно занята.

- Пять минут назад тебя это почему-то не смущало. Начал, так говори.

- Да не о чем там говорить, — Кевин скривился, как от зубной боли. — Так, мужской треп.

- Я думала, все мужчины считают, что треп бывает только женский.

- Не без того. Слушай, а почему ты здесь, а не на воздухе?

- Потому что валяться на траве мне сейчас не хочется, а все остальные места заняты, — Стеллин палец указал на буколическую сцену за окном.

Кандидаты в лидеры, словно классические поэты, корпели на лоне природы над своими выступлениями. На первом плане, выделялся Алан в своей белоснежной расстегнутой рубашке. Казалось, он сейчас отложит в сторону карандаш и, вспрыгнув на деревянный стол, огласит зеленеющую округу свежеиспеченной одой.

- Независимость — черта истинного лидера, — заметил Кевин, поворачиваясь от окна к Стелле.

- Да, — согласилась она. — Так же как и умение не отвлекаться от главного. Ты уже тему закончил менять или еще немного поговоришь о том, о сем?

- Поговорю, — Кевин улыбнулся. — Ты всегда такая упрямая?

- А как же? Еще одно качество лидера. Не правда ли?

- Не совсем. Упорство и упрямство — это не одно и то же.

- Называй это как хочешь. Так что там с Майклом?

Кевин медленно опустился обратно в кресло и теперь уже абсолютно серьезно посмотрел Стелле в глаза.

- Я думаю, тебе лучше поговорить об этом с ним. Не знаю, случайно или нет, но он рассказывал это только мужчинам. И то не всем.

Стелла ответила ему таким же серьезным взглядом.

- Он просил тебя об этом никому не рассказывать?

Кевин отрицательно покачал головой.

- Тогда я думаю, что пока что мне достаточно поговорить с тобой.

Кевин обреченно вздохнул.

- Почему?

- Потому что если это была случайность, я тоже могла быть там. А если это не случайность, то это было ни что иное, как попытка настроить часть людей на свою сторону. Ты ведь только что именно на это намекал? И в таком случае я имею полное право об этом знать. Согласен?

Кевин почесал подбородок.

- В логике тебе не откажешь.
- Тогда не отказывай и в рассказе.
- Я не люблю наживать себе врагов. Особенно в подобной ситуации.

Стелла мягко улыбнулась.

- Поздно. Теперь ты можешь нажать врага, если ничего не расскажешь после такого вступления. Я никому ничего не скажу.

Кевин окинул взглядом огромную гостиную, запятнанную яркими квадратами окон и неожиданно резко, едва ли не враждебно спросил:

- Помнишь, вчера ты, Джоан и Пол ушли первыми?
- Да.
- Потом ушли еще два человека. А потом Майкл вдруг стал рассказывать, как в прошлом году его едва не посадили. Оказывается, он регулярно избивал свою жену. Все?
- Нет, — Стелла медленно положила блокнот на журнальный столик. — Вот теперь уже точно не все.

«Случай на конференции». Алан поставил жирную точку. Случай, безусловно, неплохой, о нем обязательно надо рассказать. Это ведь чуть в газеты не попало, а уж в Сети об этом судачили недели три. Ну что ж, рассказов набралось прилично. Тут и на два часа будет, не то что на сорок минут. Он медленно перелистал блокнот. Да, тут, несомненно, достаточно материала. Только все это не то. Совсем не то. Он поднялся со скамьи и ступил на мягкую траву. Вокруг было

безлюдно — все уже разошлись в преддверии ужина. Пора тоже идти, тем более что работа сделана. Все основные моменты подготовлены — теперь осталась импровизация.

Ему не раз приходилось произносить речи, и в какой-то момент он обнаружил, что тщательная подготовка ему не нужна. Вообще не нужна. Напротив, она вредила. Лучше всего было подготовить вот такие главные, ударные моменты, перечитать их раз-другой и, выйдя к слушателям, ощутить это мало с чем сравнимое чувство вдохновения. И речь начинала литься сама по себе, и не было ни малейшей необходимости в бумажках и тщательно продуманных оборотах. Не то чтобы его речи воодушевляли, — о каком воодушевлении можно говорить, когда из сотни человек сидящих перед тобой, от силы десять приходят на работу не только из-за зарплаты? — но, по крайней мере, его внимательно слушали. Будут слушать и завтра, никуда не денутся.

Да вот толку от этого слушания будет не много. Если вообще будет. Ситуация, которая еще день назад казалась невероятной удачей, оказалась капканом. Да еще каким! Это же надо было додуматься — собрать десяток способных, честолюбивых, во всем более-менее равных начальников и предложить им самим выбрать лидера. То-то этот Кларк так хитро улыбался. Ну, хорошо, предположим, как это сделать, мы придумали. Предположим даже, все будут следовать правилам (а ведь кто-нибудь обязательно не захочет!). Предположим, раз уж мы все так всё хорошо предполагаем, что в пятницу мы это голосование проведем. Ну и что с того?! Алан с силой пнул

подвернувшуюся под ногу корягу. А то с того, что теперь все продвижение, весь этот пресловутый взлет, в который было вложено столько сил и труда, зависит не от него. А зависит от того, что решат эти думающие лишь о себе люди, которых он не знал до вчерашнего дня и которых никогда не увидит после этой пятницы. Вот что с того.

К власти идут шаг за шагом. Это только со стороны кажется, что кто-то взял да и взмыл в поднебесье. На самом деле это кропотливый, выверенный процесс. Словно продвижение сапера по минному полю. Иногда надо замедлиться, иногда ускориться. Иногда замереть, иногда, собрав все силы, прыгнуть. Но главное — всегда, в любой момент знать, какой шаг надо сделать и что последует за ним. Потому что идущий к власти, как сапер, серьезно ошибается лишь один раз. Победа на этом курсе — это очередной и очень немаловажный шаг. Проигрыш — та самая ошибка. Единственная и последняя. Никого, конечно, не волнует, кому достанется наклейка лидера. А волнует то, что последует по возвращении. Вернешься единственным победителем — сразу заявишь о себе в высших сферах. Вернешься «несомненно одаренным участником», а проще говоря, одним из проигравших, можешь на стремительном взлете ставить крест. И на не стремительном тоже. Середины нет. Со щитом или на щите...

Он подошел к неуловимо меняющейся линии, за которой влажный песок нырял в озеро, и пошел вдоль нее. Слабое колыхание воды лишь подчеркивало разлитый вокруг покой. Не надо было сюда ехать. Было же написано что-то об оценке лидерского потенциала. Надо было заболеть, улететь, обнаружить внезапные семейные проблемы, что-

нибудь придумать. О чем речь, найти повод было бы легче легкого. Да кто же знал? На поверхности все это выглядело более чем заманчиво. Даже предположить нельзя было, чем это окажется на самом деле. А ведь кое-кто знал! Те, кто послал его сюда. Они-то точно знали, что здесь будет происходить. Так значит, решили проверить, что дальше делать с этим «молодым и талантливym»? То ли приблизить его, то ли оставить, где он есть на веки вечные. Можно, конечно, всегда уйти в другую компанию, но это обозначает сунуть пятилетний труд коту под хвост. Нет, об этом даже не хочется думать. Значит, остается...

- Эй, Алан!

Алан обернулся. От стола, за которым он провел последние несколько часов, к нему шла Джоан помахивая какой-то бумагой.

- А это решил тут оставить? — она взмахнула бумагой над головой, и Алан узнал свой блокнот. — Корпел, корпел, и все зря?

Он подождал, пока Джоан подойдет ближе, и только тогда покачал головой.

- Я собирался вернуться.

- Ага, — было видно, что ничуть ему не верит. — Ладно, держи, — она сунула ему блокнот.

Алан принял его, ощутил короткое прикосновение тонких прохладных пальцев и улыбнулся.

- Спасибо. Только я его специально оставил. Не хотелось с собой носить.

Джоан, прищурившись, посмотрела на него. Алан спокойно встретил ее взгляд и несколько секунд смотрел ей в глаза с тем же изучающим выражением.

- А ты что тут делаешь? — спросил он наконец.

- Думала, что совершаю благородный поступок. Оказалось, недооцениваю твою память и предусмотрительность.

Алан взвесил блокнот на руке.

- Ты что, специально за ним пришла?

- Поздравляю — безупречный вывод.

- А как ты узнала, что блокнот мой?

- Вот тут тебе уже пронизательность отказывает. Ну что может быть проще? Ты за этим столом сидел полдня. А потом сам исчез, а блокнот остался. Стол из моего окна виден, это место — нет. Откуда мне было знать, что ты здесь? Я и решила забрать для тебя блокнот. Чтобы ты не переживал.

Джоан говорила, не отводя глаз от его лица, и почему-то он вдруг снова ощутил это прикосновение двухминутной давности.

- А ты, оказывается, просто гуляешь по берегу и не нуждаешься в услугах бедной женщины.

«Нуждаюсь», — едва не сказал Алан, но промолчал.

- Правда не нуждаешься? — она взглянула на него с таким наивным выражением, как будто действительно считала, что ценность ее общества определяется лишь ее полезностью.

- Ну что Алан улыбнулся, старясь отогнать невидимое прикосновение. — Очень хорошо, что ты пришла.

- Рада слышать, — Джоан вдруг резко откинула шутливый тон и стала серьезной. — Я тебе еще кое-что хочу сказать.

- Да? — его глаза скользнули по ее шевелящимся накрашенным губам.

- Ты даже не знаешь, какой ты молодец. Я была уверена, что ты не захочешь выходить к этой доске и все испортишь. И сразу начнутся склоки и тому подобное. Но ты с таким достоинством это проделал... Просто молодец. Если бы ты тогда начал возражать, весь день пошел бы насмарку. Seriously.

Уже почти стемнело, и Джоан была особенно красива той манящей красотой, которая преображает любую женщину в сгущающихся сумерках. Алан украдкой облизнул неожиданно пересохшие губы. Она была на расстоянии вытянутой руки, даже немного ближе. «Ты вторгаешься в мое пространство», — вспомнил он фразу из какого-то фильма.

- А потом ты еще так здорово придумал с заданиями... Это ведь была твоя идея.

Она щебетала, а он, едва слушая ее, боролся с желанием протянуть руку и прикоснуться к этому смутно белеющему в полумраке лицу. И не только к лицу. Но Джоан даже не замечала того, что творилось с ним, и продолжала говорить — о его вкладе, о том, как он здорово стоял у этой доски, о том, что далеко не все смогли бы так достойно себя вести. Алан смотрел на ее светлые, до плеч волосы, которые иногда шевелились на легком ветру, и чувствовал глухой стук сердца.

У него никогда не было проблем с женщинами, напротив — они тянулись к нему. К его уверенности, смешанной с не по возрасту зрелой серьезностью, к юношеской свежести правильного лица, к его стройной фигуре и умению быть интересным. Но то были девчонки — его сверстницы, не много выдавшие, не много знавшие, не много из себя представляющие. Он всегда знал, что не встретит отказа, стоит ему только захотеть одну из них. И он хотел и не встречал. Но сейчас все было иначе. Женщина, стоявшая перед ним, была обаятельней всех тех девчонок вместе взятых. Она, несомненно, была также умнее их всех — иначе что бы она делала на этом курсе? Она, в отличие от них, казалась почему-то абсолютно недоступной. И еще она была невероятно, ненормально соблазнительна.

Ее бархатный голос, который был почему-то чуть понижен, будил мысли, весьма далекие от записей и голосований. В той далекой яркой стране, где обитали эти фривольные мысли, такие слова, как «лидер» и «руководство», были не более чем пустыми унылыми звуками. Иные звуки населяли эту полную сладкого томления страну, и сейчас они начинали петь голосами сирен. Расстегнутая на несколько пуговиц блузка обращала их зовущие голоса в почти неуправляемое желание. И каким-то странным образом притягательность Джоан лишь усиливалась оттого, что произносимые ею слова не имели ничего общего с этой атмосферой соблазна.

— ...неплохая, но за меня все равно никто не будет голосовать.

Алан, повел головой, прогоняя наваждение. Оно отлетело куда-то в звенящую страстью полумглу и замерло где-то неподалеку в воздухе, готовое в любой момент вернуться.

- Что ты говоришь? – слова дались ему с некоторым усилием. – Почему никто не будет?

Джоан пожала плечами.

- Ясно почему. Я хороша на своем месте, но я – женщина. Куда мне тягаться с Крисом, с тобой, с Робом? Я, конечно, свои три раза выступлю, но иллюзий у меня нет.

- Ты себя недооцениваешь, – сказал он как можно более проникновенно, чувствуя, что имеет в виду совсем не ее лидерские способности.

- Нет, это ты переоцениваешь меня, – ответила она с ласковой улыбкой.

Наваждение сделало рывок в их сторону и настороженно зависло на полпути.

- Не переживай, меня такое положение вещей вполне устраивает. Даже если вообще ни один человек не проголосует за меня, я не буду особо расстраиваться. Это ведь, в конце концов, не более чем игра.

Алану показалось, что теперь она говорит не совсем искренне, но поручится за это он бы не смог.

- Ладно, мы с тобой совсем заговорились. Пойдем, уже поздно, – и Джоан прикоснулась к его руке.

Наваждение с коротким клетотом рванулось к нему, впилося в тыльную сторону ладони и бешеной волной растеклось по телу.

- Пойдем, — ответил он внезапно севшим голосом.

Крис медленно обтер лицо белоснежным полотенцем. Воздух приятно охлаждал кожу после бритья. Неплохо... День прошел неплохо. Можно даже сказать, хорошо. Не великолепно, но хорошо. Можно было, пожалуй, выжать больше из этих часов, но в целом получилось удачно. Они явно почувствовали, кто здесь настоящий лидер. Что и требовалось. Теперь надо не терять момент.

Он всмотрелся в свое отражение. Хорошее лицо. Лицо победителя. С таким лицом да не выбиться в люди — это позор. Уверенное и по-мужски обаятельное. С густыми, но в меру, бровями, раскинувшимися под высоким лбом, с прямым, немного широким носом, с красиво очерченным ртом, с этим твердым подбородком. Одинаково хорошо выглядящее с романтической щетиной и будучи элегантно выбритым. Люди идут за таким лицом, особенно если оно подкреплено звучным голосом и уверенными манерами. А уж если у обладателя такого лица есть ум и жажда успеха, то нужно лишь немного удачи. Впрочем, к черту успех. Успех — это приманка для тех, кто смотрит на все поверхностно. Влияние, власть — вот о чем идет речь. А все остальное придет вместе с ними. Тот, кто написал, что хочет власти, был прав — именно за ней мы все и гонимся. Любопытно, кстати, чья это была записка. Впрочем, неважно. Написал один, а думали все.

Значит так, как распределяются силы? Этот круглый толстяк не конкурент. Кевин с его лошадиной физиономией тоже. Качок не

дурак, но и не блещет. Мы же тут не капитана олимпийской команды выбираем, а лидера. Так что его батоны большой роли не сыграют. Тем более что роста мы с ним почти одного, а говорю я лучше. Есть две бабы. Но кто же будет рассматривать их всерьез? Эмансипация эмансипацией, но чтобы девять привыкших командовать мужчин добровольно выбрали женщину в командиры, это уже слишком. Стелла, конечно, распространялась про эту Жанну д'Арк, но мы же не в средневековой Франции. Да и Жанн здесь тоже не наблюдается, несмотря на то, что Стелла явно претендует на такую роль.

Пол... Этому все равно, ему карьера до лампочки. Брендон... С ним, пожалуй, придется повозиться. Но ничего, повозимся, и не с такими справлялись. Молокосос угрозы не представляет. Говорит он, конечно, гладко и с дамочками язык находит хорошо, да и не только с дамочками, но мал он пока. Не дорос. Есть еще Роб. Вот с ним может быть непросто. Это с первого взгляда видно. А со второго тем более — он ведь раньше всех остальных схватил, что к чему. «Неважно, о чем мы будем говорить, главное — как будем голосовать»... И Майкл — у того непонятно что на уме. Слишком мало говорит. Редко, да метко. Очень даже метко. Слишком метко. Впрочем, именно на этой редкости он и проиграет. Лидер должен быть на виду. В реальной ситуации с ним было бы нелегко, но здесь акценты сдвинуты.

Получается, что есть два сильных соперника, два послабее, а все остальные — мелочь. Раз так, план действий вырисовывается. Голосов-то требуется всего шесть. Это в худшем случае. А может получиться и так, что хватит всего двух. Сильные конкуренты все равно будут

голосовать за самых слабых — чтобы понизить шансы главных соперников. По крайней мере, это совершенно очевидный ход. Некоторые пешки, между прочим, могут им тоже воспользоваться. Особенно потому, что они-то себя пешками не считают. Но будет же хоть кто-нибудь голосовать честно. Вот именно их и надо настроить на свою сторону. Создать, так сказать, свой электорат. Как это сделать? Достаточно просто.

Во-первых, нельзя останавливаться на достигнутом. Если у кого-то есть еще сомнения, то надо, чтобы завтра их не осталось. К концу завтрашнего дня каждый должен понимать, что, если бы ситуация не была настолько искусственной, только один человек мог бы повести их всех за собой. Причем, как сказал Кларк, неважно куда. Кларк этот, между прочим, хитрец тот еще. Пока все, или почти все, о чем он говорил, так или иначе начинает вылезать на поверхность. Все, что казалось отвлеченными рассуждениями. Ладно, и так было ясно, что все это неспроста. Значит, это во-первых. Электорат.

А во-вторых, надо приступать к нейтрализации конкурентов. Начиная, разумеется, с сильных. Потому что если говорить откровенно, тут есть вовсе не один человек, который может повести за собой остальных. Но необходимо сделать так, чтобы это было вовсе не очевидно для наших честных избирателей. Соммерс хорошо знал, куда он его отправляет. Возможно, старый лис сам в свое время побывал здесь. И он не будет делать ставку на человека, который не смог победить в такой простой игре.

Крис вышел из ванной и, скинув полотенце, начал одеваться. Так, бежевую тенниску и эти брюки оставим на завтра. Сейчас лучше подойдут джинсы и вот эта рубашка. Такой свойский парень, наш Крис. Между прочим, вчера вечером Роб-то взял и перехватил инициативу со своими историями. И ведь совсем не навязывался, наоборот, все просили рассказать еще что-нибудь. Надо быть повнимательнее сегодня. Ну что, пора идти. Все уже, наверное, там. А нет, вот еще какая-то загулявшая парочка бредет. Это, кстати, кто?

Он выключил свет и подошел ближе к окну. Черт, почти ничего не видно уже. Так, женщина с такой фигурой здесь есть только одна. Джоан. Лакомый кусочек. А вот кто у нас кавалер? Судя по росту, это может быть или Пол, или Кевин, или... Неужели молокосос? Да, он самый. Прыток, ох прыток. В груди шевельнулось неожиданная зависть. Кольцо у нее на пальце такое симпатичное. И недешевое. Вот тебе и кольцо. Да ну, чушь все это. При чем тут кольцо? Беседуют два лидера. Но почему с ним? Со всех дел — с ним? Две светлые фигуры неторопливо обогнули дерево и исчезли за углом. Крис отошел от окна. Что ж, беседуйте, голубки, беседуйте. У меня есть дела поважнее. Впрочем, нет, дорогой Алан. Думаешь, ты прогуливаешься с обольстительной женщиной? Как бы не так! Ты прогуливаешься с голосом. С моим голосом. И я уж позабочусь о том, чтобы он стал моим! Но кто б мог подумать?..

- Не вышло, — Брендон с сожалением проводил взглядом шар, медленно катящийся от лузы. — Роб, теперь ты.

Роберт обошел стол.

- Такой винт не всегда удается.

- Да, — вздохнул Брендон. — Но и такой подставкой он не всегда заканчивается.

Блестящий красный шар завершил свое неторопливое путешествие и теперь находился совсем недалеко от желанной цели, возле которой он минуту назад ударился в борт. Брендон тоскливо посмотрел на него. Черный шар — единственный сосед красного по столу — находился четко на невидимой прямой, соединяющей красный шар и лузу. С такой расстановкой смог бы справиться и человек, первый раз взявший в руки кий. Короткая партия подходила к бесславному концу. Роберт еще раз глянул на зеленое сукно и снова направился в обход.

- Зачем? — изумленно спросил Росс, следя за тем, как Роберт склоняется над столом. — Там же верный удар.

- Удар верный, — согласился Роберт, прицеливаясь. — Слишком верный.

- Не дотянешь, — покачал головой Алекс.

- Все может быть. Но иначе не интересно.

Кий с сухим треском ударил по черному шару. Черная точка метнулась через весь стол, отлетела от борта, врезалась в красную и, отправляя ее прочь от ожидающей лузы, остановилась на месте. Красный шар рванулся прочь, принимая эстафету, прошел мимо средней лузы и, вальяжно замедлившись, плавно вкатился в угловую.

- Здорово! — в голосе Росса слышалось неподдельное восхищение.

Брендон подошел к Роберту.

- Так и проигрывать не стыдно, — сказал он, с чувством пожимая ему руку.

- Проигрывать никогда не стыдно, — улыбнулся Роберт. — Обидно бывает, но это не тот случай.

- Еще раз? — спросил Алекс. — А то я еще ни с кем не играл.

- Я пас, — отозвался Брендон. — С меня хватит этого разноса.

Алекс вопросительно обернулся к Роберту.

- Можно, — сказал Роберт. — Есть еще желающие?

- Я посмотрю, — сказал Майкл. — Мы уже играли.

- Присоединяюсь, — Пол поерзал в кресле. — На игру Роба безопаснее смотреть со стороны.

- Я пойду, — Кевин поднялся. — Завтра с утра работать надо.

- Ну а я только что играл, — сообщил Росс. — Так что прошу. До завтра, Кевин.

Роберт взглянул на Алекса.

- Что играем?

- Как насчет девятки? — спросил тот, придирчиво осматривая кии.

- Пойдет, — Роберт отобрал несколько шаров.

- Раскатаем?

- Не надо, все свои. Разбивай ты.

- По чем? — осведомился Алекс, вытягивая кий из стойки.

- Мы здесь на деньги не играем, — доброжелательно ответил Роберт.

Алекс удивленно посмотрел на него.

- Почему?
- Потому что это просто развлечение. Серьезная игра будет завтра

утром.

- И какой тогда интерес?
- Например, выиграть.
- Победа ради победы?
- Почему бы и нет?
- Хорошо, — Алекс чуть заметно улыбнулся. — Сыграем по-детски.
- Зачем же по-детски, — все так же доброжелательно ответил

Роберт. — Если нужна ставка, мы ее можем сделать.

- Роб, — озабоченно сказал Брендон, — какие ставки? Мы же с самого начала договорились. Алекса тогда не было, но ты-то был. Не надо сюда деньги впутывать.

- А мы не на деньги, — Роберт в упор посмотрел на Алекса. — Мы на речь.

- На что? — удивился Брендон.

- На речь. Проигравший добровольно отказывается от завтрашнего выступления.

Алекс молча поджал губу. Роберт, приветливо улыбаясь, ждал.

- Согласен, — сказал наконец Алекс.

- Да вы, что, серьезно? — изумился Росс. — Что это за глупости такие? Понижать свои шансы из-за такой ерунды?

- А чем я, собственно говоря, рискую? — спросил Алекс, ставя шар на стол. — Есть еще два дня в запасе.

- Рискует вообще-то один Роб, — сказал Майкл. — Ты его игру видел, он твою — нет.

Алекс взглянул на него через массивное плечо.

- За язык никто никого не тянул. Роб, ты может, передумал?

- Разбивай, — отозвался Роберт.

Росс оглянулся по сторонам в поисках поддержки.

- Но это же ерунда какая-то! Что это за мальчишество такое? Мы же договорились, что каждый выступит три раза. Был бы тут Крис, он бы вам сразу сказал, что свои же правила нарушать нельзя.

- Во-первых, — сказал Майкл, размеренно постукивая шаром по подлокотнику, — Крис слишком занят разговорами в баре, для того чтобы тут быть. Во-вторых, ты несколько переоцениваешь его роль. А в-третьих, я не вижу, чтобы эта игра нарушала наши правила. Алекс и Роб, похоже, с этим согласны. Кто-нибудь еще считает, что это нарушение правил?

Брендон пожал плечами.

- Нарушение — нет. Глупость — возможно.

- Проблем не вижу, — отозвался Пол. — Брось ты это Росс, давай лучше смотреть. Да и вообще, — он заговорщицки подмигнул, — одной речью меньше — одним шансом для нас больше.

- Ну, как знаете, — развел пухлые руки Росс. — Я предупреждал.

- О том и речь, — Пол с довольным видом откинул назад длинные волосы, — я знал, что этот аргумент подействует.

- Правила... — произнес Алекс, с грохотом разбивая ромб. — Нарушать... — он обошел стол, следя за разбегающимися шарами, один из которых уверенно катился в лузу, — нельзя.

- Я... — он медленно согнул руку, отводя назад кий, — правила... — под рукавом тенниски вздулся бугор бицепса, — уважаю.

Очередной шар с треском влетел в боковую лузу.

- Более того... — он оглядел стол в поисках следующего подходящего шара. — Я всегда настаиваю... — следующий шар нашелся, и Алекс уверенно направился к нему, — на том, чтобы правила уважали... — еще одним шаром на столе стало меньше, — все игроки.

- Так мы и не узнаем, чем Роб раньше занимался, — вполголоса сообщил Пол.

- Подожди, — сказал Брендон. — До конца игры подожди, там увидим.

- А что там смотреть, — Пол кивнул в сторону стола, с которого за это время исчез еще один шар. — Ему же ударить никто не даст.

Роберт, не обращая внимания на этот разговор, спокойно наблюдал за перемещениями Алекса.

- А вот это, — Алекс медленно согнул указательный палец кольцом над кием, — называется «шанхайский звон».

- Ох, ты! — выдохнул Росс, когда цветное мельтешение на столе замедлилось. Брендон одобрительно крикнул.

Алекс, проходя, похлопал Росса по плечу.

- Между прочим, самый простой из всех красивых ударов. Только выглядит сложно. Могу показать потом, если хочешь.

- А что это Роб такой довольный? — тихо спросил Пол у Майкла.

- Не туда смотришь. Глянь на Алекса.

Алекс несколько дольше, чем обычно, изучал стол. Наконец, он принял какое-то решение и в полной тишине наклонился над бортом. Щелкнул кий.

- М-да, — громко сказал Пол.

- Какой там м-да? — отозвался Брендон. — Не видишь, что это специально?

- Что специально? Так промазать?

- Конечно. Оттуда закатить все равно ничего нельзя было. Зато теперь у Роба никаких шансов. Ему же сначала надо по восьмерке бить, а она вон где. Мертво.

Алекс выжидающе посмотрел на Роберта.

- Мертво, — согласился Роберт. — Совсем мертво.

Он быстрым шагом обошел стол и, почти не примериваясь, хлестким ударом отправил шар по совершенно непонятной траектории. Над столом взлетел веселый треск.

- Так не бывает, — сказал Пол. — Два за раз от четырех бортов...

Алекс неподвижно смотрел на стол, на котором одиноко застыл единственный шар.

- Силен, — сказал он наконец, поворачиваясь к Роберту и широко улыбаясь. — На деньги с тобой действительно лучше не играть.

Пять минут спустя все, пошумев и еще раз обсудив красоты последней партии, разошлись. Алекс демонстрировал Брендону какой-то сложный винт; время от времени приговаривая: «Хотя это ты лучше у Роба спроси». Брендон кивал и в третий раз безуспешно старался повторить удар.

— Да ну его, — сказал он после того, как шар снова неумело ткнулся в борт, — все равно с ходу не получится.

- Потом еще попробуем, — ободряюще сказал Алекс. — Росс?

Росс остановился в дверях.

- Я про «звон» серьезно говорил. Если хочешь, могу показать.

- Давай, — Росс радостно вернулся к столу. — Брендон, посмотришь тоже?

- Нет, с меня на сегодня хватит, — и Брендон исчез, оставляя Росса наедине с Алексом.

- Значит, делают это так. — Алекс вытащил из лузы несколько шаров. — Во-первых, далеко не всегда такой фокус проходит. Но если ситуация позволяет, от него отказываться нельзя.

Он замер, как будто к чему-то прислушиваясь, затем продолжил:

- В первую очередь важен расклад, — он короткими движениями разложил шары на пустынной зелени стола. — Во-вторых, очень важно, с кем ты играешь.

- Не понял, — сказал Росс, изучая расстановку. — В каком смысле?

- Сейчас поймешь. — Алекс стал рядом с Россом. — Положи кий, сначала надо проанализировать ситуацию. Видишь, где лежит этот шар? Так вот, его легко закатить семеркой в ту угловую лузу.

- Конечно, легко, — согласился Росс. — А дальше?
- Что дальше?
- Ну, это же очевидный удар. А «шанхайский звон»?
- «Звон»? — Алекс удивленно взглянул на Росса. — Он-то тут причем? «Звон» — это совсем другое.

- А что? — недоумевая, спросил Росс.

- А вот что.

Белая стена перед глазами Росса вдруг стала черной с красным отливом. И еще очень захотелось дышать. Еще мгновение назад легкие незаметно работали как-то сами собой, а теперь они почему-то судорожно сжимались от недостатка воздуха. Но вдохнуть никак не получалось. Вместо воздуха в голову рвалась кровь. Она обтекала неожиданно сжавшееся горло, распирала щеки и глаза, наполняла уши нестерпимым звоном. Казалось, сейчас она прорвет кожу и брызнет во все стороны, заливая стол, кресла и аккуратно подметенный паркет. Потом свежая струя воздуха влилась в истерзанные легкие, черная в багровых пятнах стена побледнела, и, вытесняя звон, в ушах возник шепот Алекса.

- Вот это и есть «шанхайский звон».

Росс, ни о чем не думая, отчаянно рванулся прочь.

- Спокойно! — Нечто, напоминающее по твердости кусок дерева, вновь сжало его горло. — Не перестанешь дергаться — будет гораздо хуже.

- Ты... ты... — Росс судорожно вдохнул.

- Конечно, я, — согласился Алекс, немного ослабляя хватку. — Еще раз говорю: дернешься — будет хуже. А закричишь — всю жизнь жалеть будешь. Понял?

Росс кивнул, насколько позволяла массивная рука, стальным кольцом охватившая шею.

- Теперь слушай. Мне от тебя нужно всего две вещи. Скажу — и пойдешь. Первое. Голосовать будешь, разумеется, за меня. Ты уже это и так понял. Второе. В любой ситуации выставляй меня наилучшим образом. Ясно?!

Росс опять кивнул, чувствуя, как неуправляемый страх сковывает все тело.

- А... а...

- Что?

- А... как?

- Это уж твое дело. Ты же умный, сообразишь. Будешь плохо справляться, мы с тобой опять побеседуем. И смотри, не перегни палку. Если кто что заподозрит, тоже еще раз беседовать будем.

- Так ведь... — Росс безуспешно попытался шевельнуться, — правила... Ты же сам говорил...

- Дурак, — насмешливо произнес шепот над ухом. — Какие правила? Сказали же тебе в первый день: никаких правил нет.

- Ты с ума сошел! — взвизгнул Росс, наконец, полностью осознав ситуацию.

Однако вместо крика раздалось еле слышное сипение.

- Тебе это что — боевик! Я ж тебя засужу!

- Или я тебя, — спокойно возразил шепот. — Это твое слово против моего. А следов никакая экспертиза не найдет.

- Найдет, — без особой надежды возразил Росс.

- Ошибаешься, — в шепоте появилось нечто отдаленное напоминающее сочувствие. — От чего-то следы остаются, а от чего-то нет. Например, от этого ничего не останется.

Левую кисть Росса будто обожгло огнем. Он закричал, ничего не помня от этой режущей боли, но жесткая рука, охватывавшая шею, немного сдвинулась выше, полностью закрывая ему рот. На этот раз крик обратился в тихий стон.

- Теперь понял? — осведомился шепот. — А может быть гораздо хуже. Ну? Понял?!

Росс качнул головой.

- Кричать будешь? — рука снова сдвинулась вниз к горлу, освобождая рот.

- Н-нет...

- Жаловаться будешь?

- Нет.

- Понятливый значит. Тогда последнее, — низкий угрожающий шепот Алекса стал еще тише, — даже не думай удирать. По номеру любую машину найти можно. А хулиганье сейчас опасное бывает. Побудешь здесь три дня — и живи себе спокойно. Убежишь — пеняй на себя.

И железное кольцо исчезло. Росс, все еще до конца не веря ни в то, что произошло, ни в то, что его отпускают, сделал неуверенный шаг к

столу. Пальцы левой руки горели и сочились болью. Он осторожно, словно опасаясь удара, обернулся. Алекс стоял возле кресла и добрадушно улыбался.

- Правда, красиво? — спросил он обычным голосом. — Я рад, что смог тебе помочь. Кстати, — его брови озабоченно нахмурились, — все в порядке? Ты что-то бледен.

Росс сглотнул.

- Все в порядке.

- Отлично! — улыбка вернулась на лицо Алекса. — Я еще немного шары покатаю. Ты ведь больше не хочешь? Нет? Тогда до завтра.

- До завтра, — безжизненно ответил Росс, глядя на него остановившимся взглядом.

Он мелкими неуверенными шагами пересек комнату и, обернувшись уже у самой двери, тем же безжизненным голосом повторил: «До завтра».

Алекс радушно махнул ему и повернулся к столу.

Первый день был выстроен очень профессионально. Все разговоры сегодня — это четкие последствия того, что упорно вдавливалось в наши головы вчера. От Чингизхана до физиологического страха. Они хотели, чтобы мы говорили об этом, более того, хотели, чтобы мы постоянно об этом думали. Чтобы не просто выбирали лидера, а видели его в отблеске пожаров, на фоне древних правителей и великих честолюбцев. Они намеренно направляли наши мысли в это русло и замечательно преуспели в этом. Не будь

вчерашних исторических рассказов, сегодняшние разговоры были бы совершенно иными. Мы говорили бы привычным языком о привычных вещах.

И даже когда этот Кларк не забирался в исторические дебри, каждое его утверждение вело к определенной цели. Одни «талантливые дети» чего стоят. Что бы ни казалось на первый взгляд, но речь он вел не о таланте руководить, не о таланте вести за собой. Говорил он о таланте идти, ползти, пробираться на верх. О таланте, без которого не может выжить ни один высокопоставленный начальник. Без которого практически нельзя стать высокопоставленным начальником. О таланте, о котором редко подозревают те, кто смотрит на размеренную работу корпораций со стороны или с низу.

Когда такие разные вещи путают, ни к чему хорошему это не приводит. Например, начинают удивляться, почему человечество всегда ведет войны, вечно мечтая о мире. Как будто не понятно, что войны начинают не народы, а те, кто стоят у власти. А к власти,неважно, политической, финансовой, религиозной, – к истинной власти можно прийти, только обладая определенными талантами и мировоззрением. Но именно эти таланты и заставляют тех, кто к ней пришел, зариться на чужое добро. На котором уже настороженно сидит свой талант.

Вообще людям свойственно смешивать понятия, когда речь заходит о власти. Видимо потому, что мало кто имеет о ней правильное представление. Тот же Бонапарт. Его сегодня упоминали чаще всех. Лидер, правитель... Наричательное имя. Но разве он был повелителем? Разве он был тем, кем он всю жизнь хотел стать? Нет и еще раз нет. Был он гениальным завоевателем, мечтающим властвовать. Но не более того. При

всей его гениальности талант власти ему не был дан. Он расстреливал врагов вместо того, чтобы расстреливать предававших его министров. Он оставлял сотни тысяч погибших на полях сражений – и позволял народу злословить о его личной жизни. Он наводил страх на королей, но не на своих подданных. Он завоевал почти всю Европу, но не смог удержать власть даже в своей стране. И вознесясь на Вандомскую колонну, он уже через пять лет оказался на крошечной скале посреди океана, где был оставлен умирать, черная жалкое удовлетворение в воспоминаниях о славе. Интересно, хотя бы плывя на Святую Елену, он осознал, чего ему не хватало? Или он и там продолжал называть себя великим властителем? Неужели он даже под конец жизни не понял, что талант власти – это вовсе не умение воевать?

Впрочем, разве он был один такой? Его любимый герой Александр, разрушитель Рима, бич божий Атиллы, опустошивший Европу лунатик – все они жадно рвались вперед, хапая все, что можно, и уничтожая все на своем пути. Но при этом ни один из них не умел распорядиться нажитым добром.

А были другие. Действующие неторопливо и продумано. Начинающие войны, лишь зная, что они непременно победят. Не прощающие измену, не позволяющие вольнодумство, не поощряющие несанкционированную мысль. Наводящие Порядок на каждом клочке своей земли. Понимающие, что истинная власть – это не опасения в головах у соседей, а ужас в головах у подданных. Шаг за шагом создающие Систему – безупречно работающий механизм власти. Уничтожающие соперников и использованных слуг, не верящие ни кому и ни в кого, кроме себя, выращивающие поколения пропитанных Идеей, невероятно подозрительные и дальновидные.

Прагматики до мозга костей. И, в отличие от рано сгоревших завоевателей, в отличие от потерявших на плахах головы королей, умершие от старости в своей постели, оплакиваемые миллионами. Выжившими при их правлении миллионами. Это были люди, умеющие создавать и поддерживать власть. Это были гении власти. И бонапарты с александрами имели с ними мало общего. Разве что желание быть великими и полнейшее презрение к человеческой жизни.

*Построить империю – это не значит очертить на карте завоеванные земли. Истинные империи строятся в головах подданных и лишь затем – на картах. Не зря в некоторых языках слово «власть» обозначает и сам факт управления одного человека другим, и структуру управления. Только народ, обожженный истинной властью, идет на такие лингвистические игры. То, что англичане, не хлебавшие истинной власти со времен Средневековья, безмятежно называют *power* и *authorities*, русские, не мудрствуя лукаво, именуют одним и тем же словом. Власть хочет... Власть требует... Власть хочет больше власти... Общество, раз столкнувшееся с истинной властью, не делает больше различия между ней и тем, у кого она есть. И в этом – ее высший смысл.*

Так что путать понятия чревато. Но Кларк это должен все отлично понимать. И все же, несмотря на показную шокирующую откровенность, он предпочел все запутать и, играя терминологией, смешать все вместе. Зачем? Затем, что очень тонко, очень незаметно, но он пытался запрограммировать наши действия на четыре дня вперед. И времени зря он не терял.

Что-то здесь совсем, совсем не так. О чем-то нам умолчали. О чем-то важном. Но о чем? Ведь если разорвать, стащить всю эту лидерскую мишуру, это будет обычное соревнование. Олимпиада. Съехались незнакомые люди, посоревновались, попрыгали, побегали, пошумели вечерами, определили самого шустрого и разъехались. То же самое. Если слово «лидер» заменить словом «приз», то все станет на свои места. Мы сражаемся за приз. За первое место. Вот и все. А то, что на призе кто-то коряво написал «лидер», должно лишь сбивать с толку. Ведь на самом деле то, что кого-то назначат этим самым лидером, ровным счетом ничего не значит. Это не более чем забавное соревнование, игра. Так? Так, да не совсем. Потому что победителей всегда определяют судьи. А здесь их нет. Вернее, есть – мы сами. И судим мы и судимы будем. Ничего хорошего из такого получиться не может.

А выиграть все же надо. Зачем? Чтобы вернуться домой с призом? Плевать на это. Я себе цену знаю и так. И эти наполеончики, которые меня сюда послали, знают. Иначе бы я здесь не был. Похвалят, не похвалят – мне как-то все равно. Приз здесь ни при чем. Но проиграть нельзя. Проиграть – это значит сказать: я признаю тебя своим лидером... Я добровольно отдаю тебе приз... Я подчиняюсь твоей воле... Мы оба хотели получить этот приз, но ты заставил меня отказаться от него... Нет. Этого я не допущу. Не могу допустить. Почему – не знаю, но знаю, что не могу.

Книга поступает во все крупные магазины в конце сентября 2009